Исчезающие в темноте

Автор:
Наталья Тимошенко

Исчезающие в темноте

Наталья Тимошенко

Исчезающие в темноте #1

Автомобильная авария разделила жизнь Марка на до и после. Он был талантливым художником, а стал сомнительным медиумом, не расстающимся с тростью. Он слышит и видит призраков, и они не дают ему покоя. Ему нужна помощь девушки, которая однажды уже спасла его. Рита живет с бабушкой, ищет работу мечты и остро нуждается в деньгах. Подработка в салоне магии не похожа на мечту, но за нее обещали прилично заплатить. И работать придется в паре с обаятельным, хоть и немного сумасшедшим медиумом. Кто же знал, что эта подработка изменит ее представление не только о мире вокруг, но и о себе самой?

Наталья Тимошенко

Исчезающие в темноте

Глава 1

В кабинете стояла невероятная духота. Открытое настежь окно не приносило прохлады, зато прямые солнечные лучи, попадая внутрь помещения, нагревали воздух до состояния раскаленного железа. Кадровичка – полная женщина лет сорока с высокой прической «халой», затянутая в слишком узкое цветастое

платье, подчеркивавшее все складки кожи и делавшее ее похожей на сардельку из университетской столовой – то и дело обмахивала себя исписанным с двух сторон листом А4, пока читала резюме. Ее брови, сошедшиеся у переносицы, как только она взяла в руки распечатанный листок, так и не разошлись обратно, и Рите казалось, что они склеились намертво липкими капельками пота, постоянно выступавшими в кожной складке. «Сарделька» периодически вытирала их толстыми пальцами, украшенными несколькими кольцами с крупными камнями, но они быстро появлялись снова.

– А почему вы не остались работать в Александровской, где проходили интернатуру? – наконец лениво спросила она, не отрывая взгляда от напечатанных строк.

Рита вздрогнула и машинально села прямее. Кадровичка читала ее небольшое резюме, уместившееся на одну страничку, так долго, что она почти успела уснуть.

– У них не было вакансий, – четко ответила она, словно находилась на экзамене.

– Па-а-анятна, – протянула «сарделька».

И это «па-а-анятна» сказало Рите все. Очередной отказ. Она вздохнула и опустила взгляд в пол, даже спина сгорбилась сама собой, словно позвоночник устал поддерживать свою нерадивую хозяйку, которая вот уже больше месяца не могла найти работу.

– Мне нужно показать ваше резюме главврачу, а потом мы вам позвоним, – предсказуемо заявила «сарделька», откладывая лист бумаги в сторону.

– Спасибо большое.

Благодарность прозвучала фальшиво, но Рита и не пыталась придать ей искренности. Она поднялась, взяла в руки сумку и, попрощавшись, вышла за дверь. Отдел кадров Свято-Симеоновской больницы находился на первом этаже у самого выхода, и спустя уже полминуты она оказалась в больничном дворе. Здесь росли пышные деревья, дающие земле спасительную тень, а потому выходить на широкий проспект под палящие лучи летнего солнца Рите не хотелось. Она села на ближайшую скамейку и даже вытащила из сумки телефон,

чтобы позвонить бабушке, но передумала. Зачем расстраивать старушку прямо сейчас? Пусть надежда в ней поживет еще немного. Вместо этого Рита достала блокнот и вычеркнула в нем еще один пункт. Список больниц, куда она разослала резюме, стремительно уменьшался. Если сначала она пыталась устроиться куда-нибудь поближе к дому, то затем начала искать хоть что-нибудь. Эта, например, находилась в противоположном конце города, на самой окраине, далеко от метро. Чтобы приехать сюда, Рите понадобилось почти два часа.

Но и отсюда ей никто не позвонит. Из девяти мест, где она уже побывала на собеседовании, ей перезвонили только из одного, и то чтобы сообщить об отказе. Остальные не утруждали себя подобными звонками, полагая, что соискатели и сами обо всем догадаются.

Кадровиков и главврачей, казалось, отпугивало буквально все: и ее возраст, и отсутствие опыта, и даже красный диплом, будь он неладен! Зачем только она провела столько бессонных ночей ради него? Даже если у них была нехватка врачей, ей все равно отказывали.

Маргарита закончила медицинский колледж по специальности «фельдшер», когда ей уже исполнилось двадцать, и сразу же устроилась работать на «скорую помощь». Там-то сотрудники требовались постоянно. Огромная нагрузка и ответственность никак не соответствовали мизерной зарплате, потому текучка была большая. «Зеленого» фельдшера с отсутствием опыта взяли с превеликим удовольствием. Через год она решила, что нужно двигаться дальше. Бабуля поддержала это ее решение и, несмотря на то, что давно вышла на пенсию, взяла несколько учеников. Это позволило им обеим продержаться то время, пока Рита училась в медицинском университете. И вот теперь у нее в кармане красный диплом по специальности «Неврология», а работы нет.

– В вашем возрасте врачи уже категории имеют, – сказали ей в одной из больниц, куда она пришла на собеседование. – А вам почти тридцать, но ни опыта, ни категории. А потом вообще замуж выйдете, детей нарожаете, и все.

На самом деле Рите было всего лишь двадцать восемь, но никакого значения это не имело. Ее однокурсники давно устроились, а она словно проклятая ходила по бесконечным собеседованиям.

Конечно, на «скорую» ее всегда с удовольствием примут обратно, но какой тогда смысл было тратить семь лет жизни на учебу?

Рита со вздохом спрятала блокнот и телефон обратно в сумку. Еще парочка отказов – и придется идти на станцию «скорой помощи». Запас финансовых средств стремительно уменьшался, а поступлений не предвиделось. На одну бабушкину пенсию сильно не разгуляешься, не брать же старушке новых учеников, чтобы внучка имела еще немного времени на поиски работы своей мечты.

За всеми этими мыслями Рита не заметила, как в абсолютно пустом больничном дворе появился мужчина и медленно подошел к ней. Она обратила на него внимание лишь тогда, когда он опустился на скамейку рядом с ней. Она недовольно посмотрела в его сторону, мысленно поражаясь тем людям, которые умудряются подсесть к другим при наличии кучи свободных мест буквально везде, однако тут же устыдилась своей мысли: мужчина, несмотря на довольно молодой возраст, держал в руках трость. Если он тоже вышел из здания больницы, то ее скамейка оказалась ближайшей.

Заметив, что она наконец обратила на него внимание, незнакомец улыбнулся.

– Привет.

– Добрый день, – вежливо ответила Рита. Разговаривать ей не хотелось, но молча встать и уйти показалось грубостью.

– Опять отказ? – поинтересовался мужчина.

– Угу, – кивнула она и только потом спохватилась: – Откуда вы знаете, что я ищу работу?

– Я видел, как вы выходили из кабинета отдела кадров.

– Неправда, – Рита напряглась. – Коридор был пуст, во всей больнице тихий час, вы не могли меня видеть. Это во-первых, а во-вторых, мало ли по какой причине я туда заходила?

– Но ведь я же угадал? – Незнакомец сверлил ее взглядом темно-карих глаз и по-прежнему улыбался.

– Что вам надо? – прямо спросила Рита, уже не стараясь казаться вежливой.

– Хочу предложить вам работу. – Мужчина пожал плечами, словно это было самое обычное заявление в мире.

– С какой стати вам помогать мне?

– Когда-то вы спасли мне жизнь.

– В самом деле?

Теперь Рита повернулась к нему всем корпусом, внимательно разглядывая и пытаясь вспомнить его. На вид ему было около тридцати, может, чуть больше, но не сильно. Светлые волосы падали на глаза и чуть-чуть прикрывали уши, как будто он давно не стригся, но специально их не отращивал. Непонятно как на этом лице с такими же светлыми бровями и ресницами оказались темно-карие глаза, но они невероятно шли ему, и Рита подумала, что где-то уже видела это необычное сочетание. Вспомнить сейчас, где именно, она не могла. Небольшая светлая щетина выдавала то, что он не только давно не стригся, но и уже пару дней не брился. Тонкая футболка с коротким рукавом не скрывала хорошего телосложения, но вот трость в руках ясно говорила о том, что у него проблемы с ногами. Конечно, это не отменяло того факта, что он мог получить какую-то временную травму, но Рита почему-то была уверена, что это не так.

– Вы меня не помните, наверное, – правильно расценил ее изучающий взгляд незнакомец. – Мы встречались один раз восемь лет назад. Авария на Самсониевском проспекте, помните? Лобовое столкновение Мазды и Тойоты. Вы работали на «скорой», а я был за рулем Мазды.

Теперь Рита наконец вспомнила его. Точнее, вспомнила саму аварию, его она едва ли узнала бы, он тогда был весь в крови.

Увидев, что она припоминает его, незнакомец снова улыбнулся и протянул ей руку.

– Марк. Марк Гронский.

Рита улыбнулась ему в ответ, теперь уже тоже приветливо, без недоверия во взгляде, и пожала протянутую руку, которая оказалась теплой и отчего-то совершенно сухой, как будто на ее обладателя не действовало палящее солнце. Ей на мгновение стало неловко за свою наверняка вспотевшую ладошку.

– Маргарита Истомина.

– Очень приятно. Теперь я наконец-то могу сказать вам «спасибо».

Рита смутилась.

– Вам не меня нужно благодарить. Я была всего лишь фельдшером, а наша машина даже не была оборудована необходимым реанимационным набором. Вас спасли другие люди.

– Неправда.

Марк посмотрел ей в глаза, и Рита поежилась, словно по спине пробежал неприятный, неизвестно откуда взявшийся в этот жаркий день, холодок.

«Он знает», – промелькнула у нее в голове невероятная мысль.

– Это вы меня спасли, – уверенно заявил он. – Я помню.

– Вы были без сознания.

– Я был мертв.

Рита выдернула ладонь из его руки, только сейчас сообразив, что забыла сделать это раньше. Она вскочила на ноги и взяла в руки сумку.

– Если бы вы были мертвы, то не сидели бы сейчас здесь, – заявила она, чувствуя, как дрожит голос.

– Я сижу здесь только благодаря вам, – спокойно произнес Марк, глядя на нее снизу вверх. Казалось, его совсем не смутила ее вспышка. – И хочу отблагодарить вас за это. Вам ведь нужны деньги.

– Вы ошибаетесь.

Рита перекинула тонкий ремешок через плечо и собралась уйти, но Марк поднялся следом.

– Пожалуйста, Маргарита, не заставляйте меня бежать за вами, вы же видите, мне это сложно!

Рита остановилась, несколько раз глубоко вдохнула и обернулась. Марк стоял возле скамейки, опираясь на трость, и в его глазах она внезапно увидела что-то, похожее на просьбу. Как будто он не предлагал ей работу, а просил о ней сам.

– Возьмите визитку. – Он протянул ей небольшой картонный прямоугольник. – Не отказывайтесь сразу, подумайте.

Рита еще раз вздохнула, вернулась к скамейке и взяла у него из рук визитку. На черной картонке золотыми буквами было написано:

Магический салон колдуньи Ксении

Поможем заглянуть в будущее,

поговорить с безвременно ушедшими,

завоевать любимого

– Вы надо мной издеваетесь? – воскликнула Рита, прочитав надпись и недоверчиво посмотрев на Марка.

– Вовсе нет, – тот обезоруживающе улыбнулся ей. – Наоборот, хочу помочь.

– Я до такого еще не докатилась. В крайнем случае, всегда смогу устроиться на «скорую».

– Кое-кому нужна ваша помощь. Вы же этого хотите, не так ли? Помогать людям.

– Чем? – Рита прищурила глаза, уже не скрывая раздражения в голосе. – Чем помогать? Разговаривать с умершими родственниками?

Марк внезапно рассмеялся.

– Ну уж нет, – заявил он. – Я не позволю вам отбирать у меня хлеб. В салоне Ксении с умершими разговариваю я.

Рита закатила глаза. Все это стало походить на какой-то театр абсурда, но у нее не было ни времени, ни желания участвовать в постановке.

– Вы сумасшедший!

– Не больше, чем вы. – Марк развел руками, словно говоря, что знает все ее самые потаенные секреты. – Я предлагаю вам сделку: вы помогаете мне, а я щедро за это плачу.

– Чем это, интересно, я могу вам помочь?

– А вот это я скажу вам, только если вы согласитесь. – Марк кивнул на визитку, которую она так и сжимала в руке. Рита тоже перевела на нее взгляд.

– Тогда боюсь, я этого так и не узнаю, – бросила она и, резко развернувшись, зашагала в сторону выхода из больничного двора. Если он не может ее догнать, тем лучше для нее. Только сумасшедших ей не хватало, как будто без того мало проблем.

* * *

Рита уже успела добежать до остановки общественного транспорта и вскочить в первый попавшийся троллейбус, когда Марк только доковылял до ворот.

Переломанные восемь лет назад ноги с самого утра немилосердно выкручивало, что несомненно означало приближающийся дождь. Его кости предсказывали изменения погоды точнее, чем гадальные карты Ксении.

Припаркованная неподалеку от входа в больничный двор ярко-красная небольшая машина тут же сдвинулась с места, подъехала к нему и остановилась. Марк открыл дверь и сел на переднее пассажирское сиденье, пытаясь устроить левую ногу, которой когда-то досталось особенно сильно, как можно удобнее. Темноволосая девушка в солнечных очках, сидевшая за рулем, со смесью жалости и тревоги следила за его бесполезными попытками. Они оба знали, что пока не пойдет дождь, удобного положения он не найдет.

– Ну что? – спросила она, когда Марк наконец перестал ерзать и закрыл за собой дверь.

– Отказалась.

– Я же говорила, что нужно не так действовать! – девушка раздраженно стукнула кулачком по рулю, попав в самое удачное место: машина тут же издала звуковой сигнал.

Шедшая по тротуару старушка подпрыгнула от неожиданности и зло уставилась на автомобиль, пытаясь разглядеть через тонированные стекла водителя.

– Вали отсюда, карга старая! – прошипела девушка. Благо в машине работал кондиционер, окна были закрыты, а потому старушка ничего не услышала. Брюнетка снова повернулась к Марку. – Я бы могла ее заставить.

– Не стоит, – Марк покачал головой. – Она придет сама.

– Откуда ты знаешь?

– Потому что я знаю людей, Лер, – улыбнулся он. – И знаю Маргариту. Она придет.

Лера насупилась, включила передачу и медленно тронулась с места. Она не любила, когда ее очередной раз попрекали незнанием человеческой психологии.

Откуда ей было это знать, если она почти не жила среди людей?

– Как все люди, она любопытна, – продолжал Марк, не заметив реакции спутницы. – Я подогрел ее любопытство. Она жаждет помогать людям. Я дал понять, что мне нужна ее помощь. Она придет.

– Откуда ты знаешь, что она хочет помогать? – Лера бросила на него непонимающий взгляд.

Марк улыбнулся, глядя исключительно на дорогу впереди.

– Я поговорил с ее родителями.

– Они мертвы?

– Уже больше двадцати лет.

* * *

– Не переживай, дорогая, – голос бабули по телефону звучал преувеличенно бодро, что как нельзя лучше выдавало ее расстройство очередным отказом, – ты обязательно найдешь что-нибудь подходящее.

– Угу, – Рита обреченно кивнула, подхватила за «ушко» чашку со свежеприготовленным чаем и медленно, чтобы не расплескать содержимое на старый паркет, направилась в гостиную. Бабуля всегда ругала ее за привычку наливать кипяток по самые края, а потому она позволяла себе это, только когда находилась дома одна.

– В крайнем случае, я возьму с сентября еще парочку учеников, – добавила Вера Никифоровна.

– Нет! – Рита даже остановилась, так и не дойдя до гостиной. – Об этом не может быть и речи. Тебе давно пора отдыхать и наслаждаться жизнью. Что я за человек такой, если и в тридцать лет буду сидеть у тебя на шее?

– Ну, не преувеличивай, – рассмеялась бабуля в трубку, – тебе еще даже до двадцати девяти больше двух месяцев. Уж до тридцати-то ты точно найдешь работу своей мечты.

Рита вздохнула, разглядывая свое отражение в огромном зеркале в старой деревянной оправе. Хоть ты замуж выходи, чтобы решить вопрос с деньгами да отправить наконец бабушку на Рождество в ее обожаемую Вену. Старушка не была там почти восемь лет. Так и помрет, не увидев больше любимый город. Одна беда: замуж ее тоже никто не зовет.

Поговорив с Верой Никифоровной еще несколько минут, Рита выключила телефон и наконец уселась на диван, чтобы выпить чай и посмотреть какой-нибудь сериал, но так и не включила телевизор, глядя в его темный экран. В их квартире все еще не было модной плазмы, на тумбочке по-прежнему красовался старенький лупоглазый ящик, ловивший не больше десяти каналов, но она любила этот телевизор, как и всю квартиру в целом, обставленную старой, но еще добротной мебелью.

В бабушкину квартиру Рита переехала сразу после гибели родителей в автоаварии, когда ей едва исполнилось семь лет. Бабушка быстро оформила опекунство, и из больницы Рита вернулась уже сюда. Здесь они и прожили вдвоем больше двадцати лет. Рита знала каждую царапинку на мебели, каждую скрипящую досочку на полу, любила по выходным натирать паркет и раскладывать по столам накрахмаленные салфетки.

Бабушка – преподаватель немецкого языка – вышла на пенсию, когда Рита закончила школу, на сэкономленные деньги купила небольшую дачу в сотне километров от Санкт-Петербурга, но продолжала иногда заниматься репетиторством, ездила несколько раз в год в путешествия, и в общем им было хорошо вдвоем.

Когда Рита пошла учиться сначала в колледж, а затем и в университет, с деньгами стало несколько сложнее. Ей продолжали платить пенсию как сироте, и она даже получала стипендию, но расходы теперь значительно увеличились: нужно было оплачивать учебники, методички, проезд в общественном транспорте. Бабушка уже не могла путешествовать так, как раньше.

– Ерунда, дорогая, – говорила она, когда в очередной раз не получалось навестить любимые страны и увидеться с дорогими друзьями, которыми Вера Никифоровна обзавелась за свою жизнь в достаточном количестве. – Вот закончишь учиться, тогда и наверстаем.

И вот Рита закончила, а воз и ныне там. Бабушка сидит на даче все лето вместо того, чтобы поехать к морю.

Рита вытащила из сумки блокнот, в который всегда записывала важные номера телефонов, не доверяя памяти электронных гаджетов. Сколько раз однокурсники и просто знакомые плакались, когда по какой-то причине теряли все номера, записанные только в память телефона.

Нужно позвонить Геннадию Михайловичу Терентьеву, главврачу станции «скорой помощи», где она работала, и спросить, нужны ли им врачи. Когда Рита семь лет назад увольнялась оттуда, он обещал с радостью принять ее обратно, только уже в качестве не фельдшера, а врача.

Перелистывая страницы блокнота, она неожиданно наткнулась на черную визитку с золотыми буквами. Откуда она здесь? Рита попыталась вспомнить, выбрасывала ли ее, но так и не смогла. Вполне возможно, сбегая от сумасшедшего Марка, она машинально сунула ее в сумку. В голову тут же пришло воспоминание о том случае восемь лет назад.

Была поздняя осень. Мрачная, темная, промозглая, как всегда в Санкт-Петербурге. Уже несколько дней шел дождь, небо было плотно затянуто тучами, а солнце уехало в отпуск в более везучие города. Они возвращались с очередного бесцельного вызова: она, водитель и санитар. В тот раз с ними не было не то что врача, а даже второго фельдшера. Так, конечно, не полагается, но где взять этих врачей и фельдшеров, если нет их? А те, что есть, и так работают на износ. Один фельдшер есть – и то радость. Температуру собьет и давление померяет, а если что-то серьезнее, отвезет в больницу.

Ветер швырял дождевую воду в лобовое стекло, из приемника лилась какая-то заунывная песня, и Рита, дежурившая уже почти сутки, начала проваливаться в сон. Что произошло дальше, она запомнила плохо. Просто в какой-то момент внедорожник, обогнавший их справа, поскользнулся на мокрой дороге, заметался из стороны в сторону, вылетел на встречную полосу и столкнулся с

другой машиной. Их водитель дал по тормозам, Риту бросило вперед, но привычка всегда застегивать ремень безопасности не дала повредить себе что-то.

– …твою мать!!! – заорал водитель, останавливаясь.

Что-то кричал и санитар Петька, визжали чьи-то тормоза, водители других машин, как могли, уходили от столкновения. Большой внедорожник протащил темную небольшую Мазду несколько метров и остановился.

Рита выскочила из машины и сама не помнила, как ноги донесли ее до груды металлолома, бывшей когда-то аккуратным седаном. Она рванула на себя водительскую дверцу, и та неожиданно легко поддалась. Мужчина за рулем был весь в крови, в красный цвет окрасилась и подушка безопасности. Рита не помнила, кто и как убрал ее, она видела перед собой только окровавленное лицо молодого водителя со стремительно угасающей жизнью в карих глазах. Кажется, он уже ни разу не вдохнул.

– Ты не умрешь, – прошептала ему Рита, сама не понимая, откуда в ней взялась эта уверенность и какое вообще ей было дело именно до этого мужчины.

Тысячи людей ежедневно гибнут в автомобильных авариях, а их машина «скорой помощи» не была оборудована необходимым для спасения набором. Она слышала, как Петька вызывал реанимационную бригаду, но понимала, что те не успеют. И все же она не могла позволить парню умереть лишь потому, что он оказался не в том месте не в то время, а в их карете нет ни врача, ни реанимационного набора.

Не до конца понимая, что делает, она взяла в ладони лицо мужчины и посмотрела ему в глаза. Какая-то неведомая сила, которая спала в ней всю ее жизнь, проснувшись лишь однажды, снова подняла голову. Она, эта сила, а вовсе не Рита, смотрела теперь в безжизненные карие глаза.

Время словно остановилось. Вокруг бегали люди, что-то кричали, кому-то звонили. Кажется, кто-то даже трогал ее за плечо, но Рита лишь смотрела и смотрела в карие глаза. А потом мужчина вдруг дернулся, резко вдохнул, выгнулся дугой, словно она пустила в него разряд электрического тока. Рита мгновенно отдернула руки от его головы. Он снова обмяк, но теперь дышал и

даже тихо-тихо сквозь сжатые судорогой челюсти стонал от боли. Только тогда она увидела переломанные, перемешанные с влетевшим в салон двигателем ноги в темных окровавленных джинсах.

Она совсем не помнила следующие два дня. Ей дали пару выходных, хотя такая роскошь уже давно не снилась никому на станции. Работать приходилось по выходным и праздникам. А затем встречали с почестями, как героиню, и даже выдали премию. Главврач сказал, что парня довезли до больницы, он сейчас в реанимации и должен выкарабкаться. Реаниматологи передали, что девчонка, спасшая его, невероятная молодец. Оказала всю необходимую помощь в меру своих сил и даже больше. И никто не знал, как именно Рита его спасла. Она помнила, что на автомате накладывала жгут, останавливала кровь, делала что-то еще, но все это было уже не так важно. Главное она сделала чуть раньше. Последствия общения с таинственной силой она чувствовала еще несколько дней: страшно кружилась голова и немного подташнивало. С той премии она купила себе новые туфли и сумку бабушке.

Рита взяла телефон и решительно набрала номер с визитки. Она даже не представляла, какую работу ей мог предложить Марк, но кто сказал, что не может это выяснить?

Марк не отвечал долго. В какой-то момент Рите показалось, что никто уже и не ответит. Номер телефона на визитке принадлежал, скорее всего, самой колдунье Ксении, а вовсе не Марку. Или же телефон вообще находился в салоне, где в половине десятого вечера никто уже может и не работать. Она собралась сбросить звонок, как в трубке наконец послышалось глухое «Алло?».

– Марк? – на всякий случай уточнила она, хотя голос определенно был его. – Добрый вечер, это Маргарита.

– Маргарита… – повторил он, как будто силился вспомнить, кто это. – Очень рад, что вы позвонили.

Его голос звучал странно: тяжело, словно во рту у него лежал кусок ваты, смоченный в клее, который он никак не мог прожевать. Рита снова взглянула на часы, убеждаясь, что не так уж и поздно для звонка. Впрочем, это не отменяет того, что он мог спать.

– Я подумала, что мне стоит узнать подробнее о вашем предложении, – сказала она.

Марк некоторое время молчал. Рита уже успела пожалеть о том, что позвонила. Все это вдруг снова показалось глупостью.

– Я очень рад, – наконец повторил Марк, и по его голосу она поняла, что он улыбается. – Жду вас завтра в двенадцать. Адрес есть на обратной стороне визитки.

Рита перевернула картонку. Обратная сторона неожиданно оказалась белой, и на ней обычными черными буквами было написано: «Апраксин переулок, д. 5. Вход со двора»

– Хорошо, я буду, – пообещала она.

– Прекрасно, – Марк снова улыбнулся. – Тогда до встречи.

– До встречи.

Рита выключила телефон и покачала головой, мысленно обзывая себя великовозрастной дурочкой. Бабушка будет долго смеяться, когда она приедет к ней на дачу и расскажет, как ходила в ведьмин салон на собеседование.

Глава 2

Следующее утро неожиданно выдалось мрачным и дождливым, хотя еще вчера ничто не указывало на такую резкую перемену погоды. Впрочем, в этом городе погода часто менялась в течение получаса, что уж говорить о целых сутках. Рита с трудом смогла продрать глаза только в десять часов. Голова кружилась, и ее немного тошнило. То ли от волнения, то ли оттого, что на вчерашний день выпало слишком много воспоминаний о примененной ею семь лет назад силе, как она сама втайне ее называла. По крайней мере, симптомы были такими же, и Рита думала, что ее состояние объясняется именно этим. Не могла же она в самом деле волноваться из-за собеседования в салоне магии! И не могли же ей

на полном серьезе предложить работу в виде воскрешения мертвых, а ничего другого в голову ей пока не приходило.

Приняв душ и наспех позавтракав, она начала собираться. Ехать предстояло далеко: она жила на окраине, а Апраксин переулок находился в самом центре города. Бабушка с детства привила ей пунктуальность, потому опаздывать она не любила.

Однако сегодня звезды благоволили ей. Почему-то это выражение особенно забавляло ее, если учесть, куда и зачем она ехала. Трамвай долго ждать не пришлось, в метро было почти пусто, так что ей даже удалось сесть. К тому моменту, как она снова вышла на улицу, дождь прекратился и только тяжелые свинцовые тучи, висевшие низко над землей, портили этот летний день, не пропуская к земле лучи солнца. Впрочем, Рита была этому даже рада: такую удушающую жару, как вчера, она переносила с трудом.

Домом № 5 оказалось шестиэтажное старое строение грязно-розового цвета. Рита прошлась вдоль него, рассматривая вывески, но так и не нашла ничего, что могло бы указывать на магический салон. Здесь находились только продуктовый магазин, салон красоты и ремонт обуви. Видимо, не зря на визитке было отдельно указано, что вход находится во дворе. В таких старых домах мелкие магазинчики и салоны часто располагались внутри двора, поэтому она подошла к железным воротам и толкнула калитку. Та легко поддалась, и спустя несколько секунд Рита уже стояла посреди старого двора, оглядываясь по сторонам. Недалеко отсюда находился Апраксин рынок, в народе пренебрежительно прозванный Апрашкой: не самое благополучное место в городе. Поэтому она чувствовала себя неуютно и постаралась как можно скорее найти необходимый ей вход. Наконец в самом дальнем углу она заметила коричневую дверь, на которой висела небольшая табличка: «Колдунья Ксения. Прием по предварительной записи». Рита дернула за ручку двери, и та тоже оказалась не заперта.

Она вошла внутрь и, как только за ней захлопнулась дверь, мгновенно оказалась в полной темноте и тишине. Здесь не было окон, а стены, видимо, специально обили черной тканью, не отражающей свет. Коротко чертыхнувшись, Рита вытащила из сумки телефон и включила в нем фонарик. Узкий коридор, в котором она оказалась, уходил далеко вперед и на первый взгляд не имел ни боковых ответвлений, ни входа в другие помещения, хотя в темноте нельзя было сказать наверняка.

– Эй? – осторожно позвала Рита, но в ответ не донеслось ни звука.

Ей пришло в голову, что Марк мог бы и встретить ее, чтобы она не плутала по этим дворам и коридорам. Впрочем, наверное, для этого ей следовало позвонить, она же приехала почти на двадцать минут раньше.

Рита осторожно прошла вперед и уперлась в единственную дверь, которая опять-таки оказалась не заперта. Похоже, колдунья не боялась ни воров, ни бомжей. Дверь, конечно же, тоже была черной, потому она и не увидела ее сначала.

Комната, куда она попала, оказалась небольшой. Стены здесь уже предсказуемо были выкрашены в черный цвет, мебель имела этот же оттенок, столь любимый колдунами и магами. На всех горизонтальных поверхностях в большом количестве стояли толстые свечи, но горела только небольшая часть из них. На стенах висели зеркала, отражающиеся друг в друге и создающие тем самым мистические коридоры и галереи. Посреди комнаты стоял письменный стол, укрытый черной тканью с бахромой. На нем лежал большой хрустальный шар, в котором причудливым образом отражался свет от пламени, колода каких-то карт, по размеру несколько больше обычных игральных, и стояла пара горящих свечей. В кресле рядом со столом, закинув на него ноги, сидела девушка. Видимо, та самая колдунья Ксения. Правда, она оказалась гораздо моложе, чем Рита могла себе представить. На вид ей было лет двадцать, может, чуточку больше. Длинные черные волосы водопадом спадали по обе стороны лица, челка закрывала глаза, придавая колдунье совсем детский вид. Несмотря на полумрак, глаза Ксении дополнительно прятались за большими темными очками. Пожалуй, единственным ярким пятном на лице оказались только кроваво-красные пухлые губы. Одета Ксения была совсем не по-колдунски: обычные синие джинсы с потертостями на коленях, футболка с ярким принтом, изображающая томную девицу с большой сумочкой, и светлые балетки.

– Принимаем с часу, – не слишком вежливо заявила Ксения, заметив гостью на пороге и даже не думая снимать ноги со стола.

«Поразительное пренебрежение к предметам магии», – хмыкнула про себя Рита.

– Я к Марку, – вслух ответила она, решив тоже не тратить время на приветствия.

Колдунья тут же подхватилась с места и с интересом уставилась на Риту, хотя та не представляла, как она может что-то видеть сквозь темные очки.

– О, так ты Рита, – улыбнулась она. – Я тебя не узнала. Я – Лера. – Девушка протянула ей руку.

Если Риту и покоробило такое бесцеремонное обращение на «ты» со стороны, как оказалось, вовсе и не колдуньи Ксении, то она не стала заострять на этом внимания, молча пожав протянутую руку, и вежливо улыбнулась.

– Я думала, ты и есть Ксения, – ответила она, тоже переходя на «ты».

– Ну что ты, – Лера рассмеялась, обнажив два ряда безупречно ровных и белых, как жемчуг, зубов. – Я всего лишь ее помощница. Пойдем, Марк уже здесь.

Лера поманила ее за занавеску на задней стене, которую Рита сначала и не заметила: цветом она полностью сливалась со стенами.

За занавеской оказался абсолютно другой мир: мир самой обычной старой квартиры с высокими потолками, современным ремонтом и красивой мебелью. Лера привела Риту в большую светлую гостиную и заговорщицки улыбнулась.

– Подожди здесь, я его сейчас позову. Он, наверное, опять уснул. Ты пришла немного рановато.

Рита кивнула, провожая взглядом стремительно убегающую Леру. Хорош сумасшедший, спать до обеда. Она с интересом огляделась. Эта комната не имела ничего общего с магическим миром. Если бы она попала сразу сюда, в жизни бы не подумала, что квартира принадлежит женщине, называющей себя колдуньей. На выкрашенных в светло-бежевый цвет стенах даже висели картины. Она сразу поняла, что это не какие-то массовые реплики, которые можно купить в любом сувенирном магазине, а оригиналы, написанные талантливым художником. Бабушка была большой любительницей живописи, поэтому дома у них хранились альбомы с картинами, и она часто таскала внучку по всяким выставкам. Рита все это искусство не сильно любила, но считала, что раз уж куда-то пришла, то нужно уметь наслаждаться происходящим.

Она подошла ближе, разглядывая пейзаж с изображением маленьких белых домов с синими крышами и такими же ставнями в окнах. Она без труда узнала типичную греческую деревушку, хоть никогда и не была в Греции. Внизу картины оказался и автограф художника. Рита наклонилась ближе, не веря собственным глазам: «М. Гронский». Все мгновенно встало на свои места. Так вот почему его лицо показалось ей знакомым! Вовсе даже не из-за аварии она его запомнила, тогда его трудно было узнать.

Когда она еще училась в колледже, на последнем курсе у нее случился страстный роман с одним из соседских мальчишек. Парень оказался романтиком, на свидания звал ее не в бары и кино, а в музеи и на выставки, считая, что она это любит, раз часто посещает с бабушкой. Об этом увлечении Веры Никифоровны знал весь двор. Одной из таких выставок и была выставка молодого талантливого художника Марка Гронского. Среди картин – в основном классических пейзажей, что у современных художников встречалось все реже – висела и его большая фотография. Рита как сейчас помнила светловолосого красавчика с карими глазами и широкой улыбкой. Надо же…

– Привет, – прервал ее мысли уже знакомый голос. – Рад, что ты пришла.

Рита обернулась, мысленно подивившись, как быстро в этих стенах все переходят на «ты». Марк доковылял до ближайшего кресла, хромая гораздо сильнее, чем вчера, и опустился в него. Судя по его виду, Лера была права, когда сказала, что он уснул. Всклоченные волосы, покрасневшие глаза и мятая рубашка говорили о том, что минуту назад он действительно спал.

«Интересно, чем он по ночам занимается, если днем спит?» – подумала Рита, но тут же одернула себя. Какое ей дело? Уж явно не на дискотеке пляшет. Может, они своей странной компашкой кошек на кладбищах в жертву дьяволу приносят, она бы не удивилась. Другой вопрос: что она здесь в таком случае делает?

– Может быть, чаю? – гостеприимно предложила Лера. – Ксения сказала, что минут через десять уже подойдет, тогда и сможем рассказать тебе, зачем мы тебя позвали.

– Да, это интересует меня больше всего, – кивнула Рита, без приглашения занимая кресло напротив Марка и стараясь напустить на себя немного недовольный и занятой вид. Как будто у нее была сегодня куча дел, и она

пришла исключительно в виде одолжения. Скользнувшая по губам Марка улыбка дала ей понять, что он разгадал ее маневр.

– Три чашки с мятой, – заключила Лера, переглянувшись с Марком. Темные очки она так и не сняла, а потому Рита не смогла понять, что такого эти двое сказали друг другу глазами.

– Значит, ты рисуешь, – полуутвердительно сказала она, когда Лера скрылась за дверью и где-то в глубине квартиры послышалось звяканье чашек, а молчание в гостиной, на ее взгляд, неприлично затянулось. Точнее, обычное молчание ее никогда не напрягало, она не относилась к той категории людей, которые стремятся непременно вести беседу, особенно с малознакомыми людьми. Ее напрягал взгляд, которым Марк, не стесняясь, ее разглядывал. Рита считала, что обладает вполне заурядной внешностью: обычные темно-русые волосы, которые могли бы быть и погуще, обычное лицо, которое могло бы иметь более выразительные черты, обычная фигура, которая тоже могла бы быть чуть тоньше. Ничего такого, на что стоило бы обращать внимание. Однако Марк разглядывал ее, как будто на ней диковинные узоры, и Рите подсознательно хотелось отвлечь его.

– Иногда, – кивнул он, посмотрев на нее уже так, как смотрят друг на друга обычные собеседники.

– Я была как-то на твоей выставке.

Марк рассмеялся. Почему-то сегодня он совсем не походил на того сумасшедшего, каким она запомнила его вчера. Сегодня он выглядел уставшим и каким-то… разбитым.

– Это было очень давно.

– Лет десять назад.

– Почти. У меня была всего одна выставка, но с тех пор многое изменилось.

Рита хотела спросить, что именно изменилось, ведь даже если он ходит с тростью после аварии, то на руки это едва ли повлияло, и он все еще может

держать в них кисть, а значит, и писать картины, но в этот момент как маленький ураганчик в гостиную ворвалась Лера с подносом.

– Между прочим, я готовлю лучший во Вселенной чай с мятой, – громко объявила она. – Весь секрет в том, чтобы заваривать листики наикрутейшим кипятком.

Она поставила поднос на маленький столик между двумя креслами, где сидели Марк и Рита, и подвинула еще одно для себя.

– Может быть, ты хочешь есть? – спросила она у Риты. – У нас на кухне наверняка завалялось что-нибудь вкусное. Марк страшный сладкоежка.

– Нет, спасибо, хватит чая, – отказалась та, аккуратно беря в руки маленькую чашку с нарисованными на ней птицами.

В присутствии Леры ей начало казаться, что вся эта вежливость и желание угодить неспроста. Марк даже не поправил ее, когда она спросила, рисует ли он. Как говорит ее бабуля, рисуют дети на асфальте, а художники пишут картины. Ее как будто обхаживали, желая получить что-то взамен. Грешным делом она даже порадовалась, что не взяла с собой крупную сумму наличными и не надела подаренные бабушкой сережки с изумрудами, но тут же устыдилась этой мысли, поймав на себе очередной взгляд Марка. А вдруг он, уверенный в том, что однажды она вернула его из мертвых, надеется теперь, что она исцелит и его ноги? Целительницей Рита не была.

Лера о чем-то болтала и болтала, не умолкая ни на секунду и не давая никому вставить ни слова, Марк все так же рассматривал ее поверх чашки, но Рите теперь все это казалось каким-то неестественным. Она то и дело бросала взгляды на Марка, пытаясь понять, кем они с Лерой приходятся друг другу, кто им эта пока еще неизвестная Ксения и чего они все хотят от нее.

Когда чай был выпит почти наполовину, в коридоре громко хлопнула дверь. Гораздо ближе, чем та, через которую вошла получасом ранее Рита, и она догадалась, что в квартире есть еще один вход. Наверное, чтобы разделять жилую площадь и приемную колдуньи.

* * *

Ксения оказалась высокой худощавой женщиной чуть за сорок, чем-то напоминающей Леру. У нее были такие же черные волосы, но гораздо короче и сильно всклоченные, как будто их хозяйка забыла расчесаться, тонкие черты лица и пухлые губы. Только, в отличие от Леры, она не носила очки – ни темные, ни какие бы то ни было другие – и совсем не улыбалась. Чуть опущенные вниз уголки губ выдавали строгий, возможно, даже немного склочный характер.

– Собрались уже, – резюмировала она, оглядев пьющую чай троицу взглядом, каким обычно завучи школы смотрят на главных хулиганов, застигнутых за углом с сигаретой. У нее оказался низкий, как будто прокуренный, голос с легкой хрипотцой. – Сейчас я переоденусь и начнем. На улице снова этот проклятый дождь.

– Что начнем? – испуганно спросила Рита, когда Ксения исчезла за дверью. – Я еще ни на что не подписывалась!

Марк и Лера переглянулись. И если она не могла видеть глаз Леры, то взгляд Марка ей не понравился.

– Не волнуйся, тебя никто не будет заставлять ничего делать, – сказал он, но в этот раз Рита почему-то не поверила ему. – Мы просто расскажем тебе, чем занимаемся. Если ты захочешь, то останешься, если нет – уйдешь.

Рите до боли в груди захотелось сказать, что она уйдет прямо сейчас, но что-то заставило ее промолчать. Пока ей не сделали ничего плохого, не сбегать же, раз уж пришла, что о ней подумают? Внутренний голос некстати заметил, что с этого обычно и начинаются все неприятности, но Рита отмахнулась от него.

Ксения вернулась очень быстро. Если она и переоделась, то Рита этого не заметила: черные джинсы и блузка были точно такими же, в каких она приходила раньше. Если только у нее весь гардероб не состоял из подобных вещей.

Ксения подтянула к столу еще одно кресло, налила себе в новую чашку уже остывшего чаю, залпом выпила его, а затем закурила. Сигарета у нее была необычная: темно-коричневая, с удушающе сладким ароматом, она вставлялась в длинный деревянный мундштук и курилась через него.

– Тебе уже рассказали, что от тебя требуется? – поинтересовалась Ксения, выпустив в воздух струйку сизого дыма.

Рита качнула головой, почему-то завороженно следя за этой струйкой, которая поднялась чуть выше головы колдуньи и словно застыла, не растворяясь и не исчезая.

– Мы еще не успели, – ответил вместо нее Марк.

Ксения бросила на него странный взгляд, показавшийся Рите насмешливым и немного презрительным, а затем снова посмотрела на нее.

– Как всегда, вся грязная работа мне, – вздохнула она. – Для начала кратко о том, кто мы. Этот салон я открыла год назад. Я раскладываю карты Таро, предсказываю по ним судьбу. Умею гадать по хрустальному шару, разбираюсь в хиромантии, кое-что понимаю в приворотах и отворотах. Марк может разговаривать с умершими людьми, как лично, так и письменно. Спиритической доской не пользуется принципиально, да ему это и не нужно, духи и так приходят по первому его требованию.

От Риты не укрылось, как при этом исказилось лицо самого Марка, словно эти слова причинили ему боль, хотя вчера он и сам говорил ей об этом.

– А Лера? – не удержалась она.

Лера вопросительно взглянула на Ксению, и та молча кивнула, словно дав разрешение на что-то. Тогда девушка впервые за все время сняла темные очки и повернулась к Рите. Ту словно окатило раскаленным воздухом, и уже в следующее мгновение она стояла на асфальте среди белых домиков с голубыми окнами. Яркое греческое солнце ласкало обнаженную кожу плеч, жар от асфальта поднимался вверх по ногам, забираясь под легкий белых сарафан. Где-то далеко слышался шум прибоя и крики чаек. Рита с удивлением обернулась вокруг своей оси, понимая, что находится в том самом месте, которое Марк изобразил на своей картине.

– Что это такое? – шепотом спросила она, понимая, что это какой-то фокус.

В то же мгновение волна жара снова накрыла ее с головой, и она опять оказалась в просторной гостиной, только больше не сидела в кресле, а стояла посреди комнаты, испуганно озираясь по сторонам. Она совсем не помнила, когда успела встать. Лера поспешно вернула очки на место.

– Что это было? – повторила Рита, стараясь унять бешено колотящееся сердце и опасаясь еще раз смотреть на Леру, хоть та уже и спрятала глаза за темными стеклами.

– Лера – своего рода телепат, – пояснила Ксения таким тоном, словно говорила о том, что Лера брюнетка. – Она умеет показывать другим образы из своей головы.

– Проблема в том, что я не умею это контролировать, – добавила Лера. – То есть стоит кому-то посмотреть мне в глаза, как он видит все, что творится у меня в голове.

– Поэтому ты все время носишь темные очки? – догадалась Рита, медленно приблизившись к креслу и снова опустившись в него.

– Поверь, образы в моей голове не всегда такие миролюбивые, как видела ты.

Марк при этом поперхнулся чаем и закашлялся. Рита с тревогой посмотрела на него.

– Лера показывает нашим гостям образы их родственников, с которыми они приходят пообщаться, – пояснила тем временем Ксения. – Многие салоны предлагают общение с мертвыми, но никто не может помочь с ними встретиться. В этом мы уникальны.

– Откуда она знает, как они выглядят? – не поняла Рита.

– Так ведь мы просим гостей принести фотографии.

Вся троица дружно рассмеялась. Рита только покачала головой. Теперь она была почти уверена, что они предложат ей место целителя в их теплой компании. Конечно, всяких гадалок и медиумов пруд пруди, открой любую газету – найдешь сотни объявлений, а хороших целителей днем с огнем не сыщешь. То

есть их, конечно, так же много, как и гадалок, но разоблачить их гораздо проще. Изобразить предсказание или общение с мертвым дедушкой намного легче, чем вылечить болезнь. Рите доводилось видеть последствия лечения таких «целителей». Люди попадали в больницу, когда врачи уже ничего не могли исправить.

– Может быть, ты хочешь поговорить с кем-то из своих родственников? – предложила Ксения, затягиваясь сигаретой и сквозь сизый удушливый дым поглядывая на нее. – Чтобы убедиться в том, что мы тебе не лжем.

Перед глазами Риты возникли образы ее родителей. Она почти не помнила их лиц, только по фотографиям. В ее собственных воспоминаниях она всегда видела их лишь со спины – как и в последний раз в жизни.

– Нет! – заявила она. Настроение мгновенно испортилось, и все это больше не походило на веселую шутку и демонстрацию фокусов. – И денег у меня нет вам заплатить.

– Нужны нам твои деньги, – фыркнула Лера, переставая изображать из себя приветливую дурочку. – Своих девать некуда.

– Лера, – спокойно осадила ее Ксения, а затем вновь посмотрела на Риту. – Это бесплатно.

– И бесплатно не надо.

Рита снова поднялась с кресла и направилась к двери, давая понять, что больше не собирается тратить на них свое время, но ее остановил Марк:

– Они хотят поговорить с тобой.

Она остановилась, но так и не обернулась.

– Не смейте. Приплетать. Моих. Родителей, – раздельно повторила она сквозь зубы.

– Они все время следят за тобой, – продолжил Марк, словно не слыша ее слов. – Говорят, что ты выросла красавицей и умницей. Они тобой гордятся. И хотят, чтобы ты поехала в этом году с бабушкой в Вену.

Возможно, если бы он не сказал последнюю фразу, Рита бы все-таки ушла. Но слова про Вену остановили ее. Марку неоткуда было об этом знать. Если до этого он говорил только общие фразы, которые подошли бы в девяносто девяти процентах случаев, то про Вену он знать не мог, если только не пил чай вместе с ее бабулей на даче, но бабуля рассказала бы ей об этом.

– Откуда ты знаешь про Вену? – глухо спросила она, так и не обернувшись.

– А еще они говорят, ты не должна винить себя в том, что не смогла их спасти, – вдруг сказал он.

И вот теперь Рита обернулась. Марк сидел в кресле очень прямо и смотрел куда-то в сторону окна, как будто видел там кого-то. Рита проследила за его взглядом, но предсказуемо ничего не увидела. Он попал в самое больное место. Рита чувствовала свою вину. И больше всего на свете боялась, что они тоже винили бы ее, если бы могли. Она старательно отмахивалась от этих мыслей всю жизнь, ведь она тогда была совсем крошкой, но теперь эти страхи снова ожили.

– Ты была ребенком и уже то, что смогла спасти бабушку, – большое чудо, – закончил Марк.

Рита поставила сумку на пол и вернулась в кресло, не сводя с него взгляда.

– Они здесь? – спросила она.

Марк кивнул.

– Если хочешь убедиться наверняка, что я тебя не обманываю, ты можешь поговорить с ними письменно, – предложил он. – Ты задаешь вопросы, я записываю их на бумагу, а они отвечают тебе.

Рита молча кивнула. Тут же на столе вместо подноса с чашками появился белый лист и простой карандаш. Она даже не увидела, кто их положил: Лера или

Ксения. Марк ободряюще улыбнулся ей, взял карандаш и вдруг вздрогнул так сильно, как будто кто-то ударил его. Карандаш выпал из рук, а сам он прижал ладони к ушам и согнулся пополам, спрятав лицо в коленях. Рита услышала то ли стон, то ли тихое рычание.

– Марк? – испугалась она.

– Марк! – повторила Лера.

Рита обернулась к ней, безмолвно спрашивая, что происходит, но в то же мгновение Марк отпустил голову и снова выпрямился.

– Простите, – улыбнулся он так, словно ничего не произошло. – Призраки иногда любят пугать. Ну что, начнем?

Рита медленно кивнула, все еще растерянная и напуганная. Марк снова взял карандаш и размашисто написал на листке:

«Вы здесь?»

Он оторвал грифель от бумаги, но на ней само собой появилось одно короткое слово:

«Да».

– Что ты хочешь спросить у них? – этот вопрос он адресовал Рите.

Та растерялась, не представляя, что можно спросить. Когда она была маленькой, она сотни раз представляла себе встречу с родителями. Перед сном она придумывала, как они встречаются здесь, на земле, или уже на небесах, вела с ними длительные беседы, рассказывала всю свою жизнь, делилась секретами. Но с тех пор прошло много времени, за которое она успела убедить себя, что невозможно встретиться с тем, кто уже умер, и теперь никак не могла придумать, что же сказать.

– Спроси, хорошо ли им там, – предложила Лера. – Обычно все начинают с этого.

Марк вопросительно посмотрел на Риту и, дождавшись слабого кивка, быстро написал вопрос. Некоторое время ничего не происходило, но затем одна за одной на белом листе снова проявились буквы:

«Все в парядке. Мы смотрим за тобой. Мы хотим, чтобы ты была счастлива. Ты выросла такой красавецей. Мы рады за тебя…»

Рита вдруг поняла, что больше не может сдерживать слезы. Они поднялись внутри огромной волной и остановились в районе груди, перекрывая дыхание. Она быстро вытерла лицо рукой, а затем подскочила на ноги и бегом бросилась к выходу из гостиной, на ходу бормоча какие-то извинения.

Глава 3

Едва Рита выскочила из гостиной, Лера тут же вернула очки на нос и подбежала к Марку, который так и сидел, согнувшись пополам и закрывая ладонями уши. Она опустилась рядом с ним на колени и заботливо погладила по руке.

– Марк, ты слышишь меня? – прошептала она, стараясь заглянуть ему в лицо и отнять ладони от ушей. – Как ты?

Марк кивнул, но так и не посмотрел на нее, зато она почувствовала, как ослабли его пальцы, сжимающие собственную голову. И тут же кто-то схватил ее за волосы и с силой дернул назад, заставив почти опрокинуться навзничь.

– Ты что творишь, паршивка? – прошипела Ксения, наклонившись к самому ее лицу.

Лера стиснула зубы, вцепившись руками в пальцы Ксении и пытаясь разжать их. Она как никогда жалела, что глаза скрыты очками. Уж она бы сейчас показала обидчице все круги ада!

– Отпусти! – прохрипела она, по одному разжимая держащие ее пальцы. – Марк не мог, понимаешь? Я просто сделала то, что и так сделал бы он!

– Я перестал их слышать, – с трудом выдавил из себя Марк, даже не собираясь влезать в женские разборки, к которым давно привык. Не было ничего хуже, чем Лера, пытающаяся «спасти положение», но ни ему, ни Ксении так и не удалось отучить ее вмешиваться без разрешения. – Он опять все заглушил.

Ксения как будто не слышала их обоих.

– «В парядке»?! «Красавецей»?! – прошипела она. – Ты у меня, дрянь такая, орфографический словарь наизусть выучишь, поняла? Поняла?! – Ксения еще сильнее дернула Леру за волосы, отчего с лица той слетели темные очки, и она радостно оскалилась.

Уже в следующую секунду пальцы Ксении наконец разжались, а на лице отразился смертельный ужас. Она стремительно отступала назад, глядя в одну ей видимую точку, и беззвучно что-то шептала.

– Нет, пожалуйста, – наконец услышали Марк и Лера. – Лера, Лерочка, пожалуйста! Прекрати! Прошу тебя!

Лера медленно поднялась на ноги, продолжая сверлить Ксению взглядом и мучить ее кошмаром.

– Лера, пожалуйста, – вслед за Ксенией повторил Марк, тронув девушку за руку, – перестань. Лера…

Ксения уже уперлась спиной в стену, когда Лера наконец опустила взгляд и надела очки.

– Еще раз так сделаешь, пожалеешь, – пообещала она, тяжело дыша.

– Это ты пожалеешь, если еще раз напустишь на меня свои кошмары, – осадила ее Ксения, выпрямляясь и поправляя блузку. – Давно из психушки вышла? Снова туда захотелось?

– Ты не посмеешь! – Лера мгновенно растеряла половину запала.

– Еще как посмею.

– Ну хватит, обе! – не выдержал Марк. – Испугайте девчонку окончательно, чтобы она уже точно не вернулась.

– Это подружка твоя может сделать так, чтобы она уже точно не вернулась, – язвительно заметила Ксения. – Рита – девка умная, не в пример этой, – она кивнула в сторону Леры, но смотреть на нее все еще опасалась, – если заметила ошибки, мигом поймет, что мы ее пытались надурить. Ни одно взрослое существо, закончившее школу, так не напишет, а ее родители были людьми грамотными. И тогда мы уже ничего не сможем ей объяснить.

При этих словах Лера только сильнее сжала кулаки, но ничего не ответила. Марк же понял, что ему, как всегда, придется все исправлять. Рита не могла уйти далеко, ее сумка так и осталась лежать на полу, а значит, она все еще где-то рядом. Если она зашла сюда через приемную колдуньи, то и вышла, скорее всего, там же, а потому Марк решил, что правильнее всего будет искать ее во дворе.

Так и оказалось. В середине буднего дня здесь было совсем пусто, только со стороны ворот доносился шум машин и голоса людей. Рита сидела на скамейке у стены и нервно ломала пальцы, вырисовывая на грязном разбитом асфальте носком туфли замысловатые узоры, видимые только ей одной. Марк мог бы поклясться, что ни одну из ошибок Леры она не заметила.

Он подошел к ней и без спроса сел рядом. Рита только искоса взглянула на него, но ничего не сказала. Марк тоже молчал, давая ей возможность сформулировать и задать все интересующие ее вопросы.

– И много у вас клиентов? – как он и предполагал, не выдержала она спустя минуту молчания.

– Хватает, – он усмехнулся. – Люди падки до всего, чего не понимают. А уж когда ты даешь им возможность пообщаться с умершими родственниками, так тем более.

Рита снова надолго замолчала, но складка между ее бровями выдавала, что она просто думает.

– Не понимаю, – наконец призналась она. – Зачем?

– Что – зачем?

– Зачем людям это? Что такого они хотят услышать от того, кого уже нет?

– По-разному, – Марк пожал плечами. – Не обязательно услышать. Кто-то хочет сам сказать то, что не успел. Таким образом люди успокаивают собственную совесть. Не говорили при жизни, что любят, ругались, пилили друг друга, а потом – раз! – и все. Поняли, что все это было неважно, что нужно было говорить о любви, а не о невымытой тарелке. Да только поздно уже, некому сказать. Вот и приходят. Умершим, на самом деле, уже все равно, зато живые свою совесть успокоили. А спокойная совесть – залог душевного равновесия. Жаль только, – Марк вздохнул, – что ничему это людей не учит, и с живыми они продолжают ругаться.

Рита заинтересованно посмотрела на него, но прежде, чем она успела что-то спросить, он добавил:

– Но ты права, иногда приходят, чтобы спросить, – он взглянул на нее и лукаво улыбнулся. – Пару месяцев назад к нам приходил парень, чтобы узнать у своей почившей бабули, куда она спрятала фамильное серебро.

Рита удивленно приподняла брови и кончики ее губ дрогнули, готовые расплыться в ответной улыбке.

– И что? Она сказала?

Марк выразительно закатил глаза.

– Слышала бы ты, какими словами и куда она посылала своего любимого внучка. Я даже порадовался, что решил общаться с ней сам, а не письменно. Внуку передавал уже только тщательно откорректированные послания.

Рита рассмеялась, а Марк едва заметно выдохнул. Кажется, ему удалось завоевать ее расположение. Не потерять бы его теперь, слишком сильно она ему нужна. Без нее он точно сойдет с ума в ближайшее время, а то, о чем он

собирается ее попросить, просто так чужому человеку не предложишь. Хорошо было бы заручиться ее симпатией, как и настаивала Ксения, но у него не было на это времени. Будь его воля, он провернул бы все уже прямо сегодня, не откладывая в долгий ящик, но, конечно, это было невозможно.

– Марк, можно спросить? – прервала его мысли Рита.

– Конечно, – с готовностью откликнулся он.

– Это после той аварии?.. Я имею в виду, ты начал общаться с мертвыми после аварии? Или так было всегда?

– После аварии. Точнее, мне кажется, после того, как ты вытащила меня самого из мира мертвых. – Он внимательно посмотрел на нее, следя за реакцией. Она покраснела и немного смутилась, но в этот раз отрицать ничего не стала. – Я помню, как стоял рядом с машиной, – продолжил он, не дождавшись от нее возражений. – Не было ни больно, ни страшно. Просто стоял и смотрел на свое тело в разбитой машине, а потом подбежала ты. Что-то говорила, трогала меня, проверяла пульс. Если честно, мне было даже смешно. Во-первых, от бесполезности твоих попыток, а во-вторых, от осознания того, что все эти люди, утверждавшие про свет в конце туннеля, оказались неправы. Не было никакого света. Может, конечно, потом он бы и был, но я не дождался. Ты положила мне руки на голову и дальше вдруг стало очень больно. Мне кажется, я даже закричал, но в этом не уверен. А затем проснулся уже через три недели в реанимации.

– Бабушка тоже говорила, что света не было, – вдруг призналась Рита.

– Бабушка?

Она смутилась, но все же продолжила, как будто только и ждала повода поделиться с кем-то:

– Мне было семь. Была зима, и мы с родителями и бабушкой ехали за город на день рождения к дяде. Родители сидели спереди, а мы с бабушкой сзади. На скользкой дороге папа не справился с управлением, и мы вылетели в кювет, несколько раз перевернулись. Когда я пришла в себя, мы все еще находились в машине. Дорога была пуста, нас не сразу заметили. Никто не отзывался на мой

зов, а я смогла дотянуться только до бабушки. Она не дышала, я точно помню. Тогда я чисто интуитивно, даже не думая, что делаю, положила ей руки на голову, чувствуя в себе какую-то странную силу. Как будто внутри, – Рита прижала кулак к груди, – завязывается какой-то странный, щекочущий узел из серебристых ниточек. А потом эти ниточки заскользили внутри моего тела к кончикам пальцев на руках и перешли в бабушку. Тогда же она и открыла глаза. Мы никогда не обсуждали с ней этого, только однажды, восемь лет назад. Когда я вернулась домой со смены и рассказала про твою аварию. Это был единственный раз, когда мы говорили о нашей аварии.

Марк протянул руку и сжал ладонь Риты, улыбнувшись ей уголками губ. Попытаться очаровать ее казалось не таким уж сложным делом. Она была весьма симпатичной девушкой с приятными чертами лица и выразительными темно-серыми глазами, которые подчеркивали забранные в «конский» хвост русые волосы, загорелой кожей и длинными ногами – как раз тот типаж, который ему всегда нравился. Пожалуй, впервые он всерьез задумался над тем, что Ксения могла быть права: сначала ему следовало влюбить Риту в себя, а уж потом просить об одолжении. Однако сейчас уже поздно было думать об этом. После того, как Рита призналась, что он был не первым спасенным ею человеком, он понял, что его шансы в игре значительно увеличились, и ждать больше не мог.

– Значит, твои родители правы, когда говорят мне, что тебе не в чем себя винить, – сказал он, сжимая ее пальцы. – Ты и так сделала гораздо больше, чем сделал бы другой семилетний ребенок в твоей ситуации.

Рита кивнула, вновь низко опустив голову и принявшись ковырять носком туфли землю.

– Так зачем вам все-таки я? – вдруг спросила она.

Марк выпрямился и выпустил ее руку из своей ладони.

– Пойдем в дом, – внезапно предложил он. – Мне бы не хотелось обсуждать это на улице, тем более дождь, кажется, усиливается.

Рита подняла голову вверх, как будто только сейчас замечая, что с неба действительно льется вода, а волосы намокли уже до такой степени, что с них

потихоньку стекают мелкие капли, разбиваясь об асфальт.

– Да, конечно, пойдем, – согласилась она.

В квартире стояла такая тишина, как будто Ксения и Лера куда-то ушли. Марк провел Риту в гостиную.

– Посиди здесь, я посмотрю, возможно, пришел клиент.

Рита послушно кивнула, опускаясь на диван.

Марк точно знал, что никакого клиента нет. Они специально отменили на сегодня все ритуалы магии, зная, что придет Рита. Как он и ожидал, Ксения и Лера нашлись на кухне. Они вдвоем пили чай, как будто и не поругались двадцатью минутами раньше. Они всегда так делали, но Марк давно признал, что с Лерой по-другому нельзя. Она зачастую не видит границ и ради своей цели может идти по головам, не продумывая план заранее и не предполагая, чем могут обернуться ее действия. Впрочем, наверное, нельзя ожидать другого от девочки, выросшей в интернате, где ее все боялись и старались лишний раз на нее даже не смотреть, не то что воспитывать и обучать азам поведения в обществе. Ксения тоже это понимала и обычно старалась держать себя в руках, но иногда вспыхивала. Благо, Лера не была злопамятной.

– Ну что, ушла? – разочарованно спросила Лера, увидев Марка на пороге.

– Я же говорила, что действовать надо не так, – раздраженно бросила Ксения. – Познакомился бы с ней, повстречался немного, чтобы девка в тебя без памяти влюбилась, а потом смог бы просить о чем угодно, она бы на все согласилась. Так вам же невтерпеж…

– Она здесь, – перебил ее Марк. – И я как раз пришел вас просить нам не мешать. Сам ей все расскажу. Кажется, мне удалось завоевать ее симпатию.

– Наш пострел везде поспел, – восхищенно прокомментировала Ксения. – Двух суток не знакомы…

Лера, как всегда, поговорки не поняла. Марк видел это по ее лицу, хоть она привычно прятала глаза за темными очками. Она мало читала, а по телевизору предпочитала смотреть только программы про тряпки и косметику, но в этот раз не стала ничего спрашивать, очевидно, опасаясь насмешек со стороны Ксении.

* * *

Домой Рита пришла промокшая с ног до головы, замерзшая и отчего-то страшно уставшая, как будто полдня разгружала вагоны с углем, а не мило беседовала с компанией двинутых на всю голову людей. Ощущение какого-то сюра, в который она по неосторожности вляпалась вчера, заговорив в больничном дворе с симпатичным незнакомцем, становилось только сильнее. Выйдя из метро, она от нервного напряжения даже не стала ждать трамвай и пошла домой пешком, несмотря на по-прежнему капающий с неба дождь. Она не прошла и половины пути, когда мелкая морось превратилась в настоящий летний ливень. Не думать о том, что предложил ей Марк, никак не получилось, хотя она искренне старалась.

Он вернулся в гостиную буквально через несколько минут после того, как попросил ее подождать, но на этот раз принес не чай, а две чашки вкуснейшего горячего шоколада.

– Ты промокла, это согреет, – участливо сказал он, присаживаясь в кресло рядом с ней.

Рита улыбнулась ему в ответ, чувствуя, что он ей нравится с каждой минутой все больше, и она бы не отказалась выпить в его компании что-нибудь посерьезнее горячего шоколада. Теперь, вспоминая об этих мыслях, она разозлилась на себя, что заставило ее швырнуть кроссовок в стену, стянув его второй ногой. Бабуля пришла бы в ужас, увидев это.

– И все же, раскрой мне наконец секрет, что вам от меня нужно? – не выдержала Рита, когда шоколад остыл достаточно для того, чтобы его можно было пить.

– Боюсь, тогда ты сочтешь меня сумасшедшим, – с лукавой улыбкой ответил Марк, поглядывая на нее.

– Больше, чем сейчас? – Рита рассмеялась, совсем забывая, где она находится.

Марк несколько долгих секунд смотрел ей в глаза, а потом вдруг тихо сказал:

– Мне нужно, чтобы ты повторила то, что сделала восемь лет назад.

Рита непонимающе нахмурилась.

– Что ты имеешь в виду?

Марк медленно поставил чашку на стол и сел чуть прямее, незаметно потирая колено левой ноги.

– Понимаешь, духи, которых я слышу, не всегда приходят на мой зов, – осторожно начал он. – Иногда их невозможно дозваться, невозможно заставить что-то сказать, даже когда я точно знаю, что они здесь. Но иногда… – Он ненадолго замолчал, снова глядя на нее своими невероятно-карими глазами, напоминающими тот самый шоколад, который они сейчас пили, как будто пытался загипнотизировать. Рита чувствовала, как от этого взгляда легко-легко кружится голова. – Иногда они приходят сами. Говорят. Говорят много и долго, их невозможно заткнуть. Единственный шанс избавиться от них – это выполнить их просьбу.

– Просьбу? – переспросила она. Мысли в голове начали путаться, словно она пила вино, а не шоколад, и ей стоило некоторого усилия сосредоточиться на его словах.

– Призраки, которые приходят сами, всегда чего-то хотят. Их просьбы бывают разными, дело не в этом. Главное, что от них можно избавиться. Но вот уже около месяца ко мне приходит дух мужчины… Точнее, мне кажется, что это молодой парень. Я ни разу не видел его, что уже само по себе странно, но по голосу мне кажется, что он еще достаточно молод, хоть и не ребенок. Я никак не могу понять, что он хочет, он все время бормочет какую-то ерунду.

– Какую? – Рита ни на секунду не сомневалась в том, что Марк говорит правду, хотя еще вчера считала его сумасшедшим.

– Просит помочь. Все время повторяет только одно слово: «помоги». Сначала он просто говорил, но теперь он как будто кричит мне в ухо. – Марк поморщился, вспоминая. – Как будто стоит рядом и орет во всю глотку, не переставая ни на секунду. Иногда это длится несколько минут, иногда часами. Я схожу с ума от этого, но заставить его замолчать не могу. Даже если закрыть уши, его голос тише не становится. И он заглушает все вокруг, я не слышу ни людей, ни других духов, ни самого себя, понимаешь?

Рита медленно кивнула, хотя слабо себе это представляла. Одно она знала точно: на его месте она пошла бы на что угодно, чтобы избавиться от этого голоса. Правда, не понимала, чем может помочь она.

– За этот месяц мы испробовали все, что могли, – продолжал Марк. – Остался только один способ, но для этого нужна ты.

– Я не понимаю…

– Видишь ли, – Марк снова проникновенно посмотрел ей в глаза, – я думаю, что этот парень по какой-то причине не может полноценно явиться в наш мир. То ли не понимает, как это сделать, то ли ему что-то не позволяет. Он не знает, слышу ли я его, а потому не может рассказать, что от меня требуется, он только зовет меня. И раз он не может прийти ко мне, я должен прийти к нему, понимаешь?

Рита снова кивнула, и на этот раз понимание действительно шевельнулось где-то глубоко внутри нее, но оно оказалось таким страшным, что она никак не могла сформулировать его словами.

– Я должен попасть в его мир. Это мой единственный шанс нормально поговорить с ним, выяснить, что ему нужно и избавиться от него. Пока он на самом деле не свел меня с ума. Поверь, до этого осталось уже недолго. Но поскольку умирать окончательно я все же не планирую, мне нужна ты. Чтобы вернуть обратно, как ты это однажды уже сделала.

Рита медленно качнула головой, словно не веря в то, что он сказал. Потом еще раз, уже активнее.

– Нет… Нет, Марк, ты что?.. Убить, чтобы потом воскресить?

– Тебе не придется меня убивать, – заметил Марк таким тоном, словно речь шла о неприятном, но безопасном походе в магазин. – Только воскресить. Как убить безболезненно и легко, мы с Ксенией уже давно придумали.

– Вы с Ксенией больные на голову, – прошептала Рита, вставая с кресла.

Волна какого-то первобытного испуга медленно поднималась в ней, грозя затопить с головой. Она даже оглянулась по сторонам, словно убеждаясь, что ей дадут выйти, никто не станет держать ее здесь насильно.

– Я не хочу в этом участвовать.

– Рита, ты должна… – начал Марк и, к ее удивлению, теперь в его голосе не было просьбы, только требование.

– Я ничего вам не должна, – медленно произнесла она, пятясь к двери и по дороге подбирая свою сумку, которая так и стояла на полу.

– Мы хорошо заплатим, – продолжал Марк, поднимаясь за ней следом и тяжело опираясь на трость. – Ты не пожалеешь.

– Не нужны мне ваши деньги.

Нащупав ручку двери, она почти бегом кинулась к выходу, словно кто-то преследовал ее. Добежав до станции метро, она нырнула внутрь и побежала вниз по эскалатору, хотя никогда так не делала раньше и не понимала вечно спешащих куда-то людей. Она знала, что Марк при всем своем желании не сможет догнать ее, да и едва ли станет это делать, однако все равно постаралась как можно скорее уехать, вскочив в уже закрывающиеся двери электрички.

И только оказавшись дома и закрывшись на все замки, Рита смогла наконец-то перевести дыхание. Пожалуй, ей стоит уехать на несколько дней к бабушке на дачу, если вдруг этим сумасшедшим взбредет в голову явиться к ней домой. Она отчего-то считала, что просто так в покое ее не оставят.

Глава 4

До озера они добрались уже в темноте, что в это время года означало далеко за полночь. Чуть не пропустив нужный поворот, Лера резко вывернула руль влево, и большой внедорожник едва не опрокинулся на бок. Она скосила глаза на пассажирское сиденье, но Марк как будто ничего и не заметил. Он смотрел в лобовое стекло и никак не отреагировал на ее опасный маневр, хотя обычно страшно ругался за такое.

Лера не любила водить его машину. Огромный неповоротливый джип с трудом отзывался на желания водителя, в отличие от ее юркой маленькой машинки. Хотя Лера не могла не признать, что не любит этот автомобиль и за кое-что другое. Он был подарком Марку от его родителей. Когда Марк рассказал об этом, ей хотелось выцарапать этим странным людям глаза, что она непременно и сделала бы, если бы могла покинуть стены психиатрической клиники, где тогда находилась. Как можно дарить машину сыну, который едва ходит?! Да, она с автоматической коробкой передач, а правая нога у него восстановилась почти полностью, но Лера прекрасно знала, что после той аварии Марк ни разу за руль не садился, хотя его вины в ней не было. А может, именно поэтому и не садился. Страшно, когда твоя жизнь висит на волоске по твоей глупости. Еще страшнее, когда это случается по глупости чужой. Будь ты хоть сто раз осторожен, кто сказал, что это защитит тебя? Вот этот джип и проводил большую часть времени в гараже, ездила на нем только Лера и только на озеро, потому что на другой машине к нему было не проехать.

Она не имела ни малейшего представления, как называется озеро, сколько здесь обычно народу днем в хорошую погоду и открыто ли оно вообще для посещения. К своему любимому месту, которое Марк показал ей прошлым летом, когда учил жить в этом мире, им приходилось добираться через лес по полному бездорожью. Беспроблемно проехать здесь можно было только летом в сухую погоду, либо зимой, когда земля достаточно промерзала, чтобы колеса не застревали в жидкой грязи. После дождя, как сегодня, Лера предпочла бы остаться в городе, но Марк настаивал отправиться на озеро. Похоже, этот призрак его совсем достал, а отказ Риты только усугубил и без того плохое настроение, в котором он пребывал весь последний месяц.

Еще через несколько километров дороги, а точнее, бездорожья, они наконец выехали к берегу лесного озера. Дождь давно прекратился, даже тучи почти

рассеялись, и выглянула полная луна, отражавшаяся в спокойных водах озера, а потому здесь было намного светлее, чем в лесу. Даже в темных очках Лера умудрялась различать дорогу.

Озеро было небольшим по размеру, но очень глубоким и холодным. По крайней мере, так говорил Марк, когда иногда окунался в него. Лера плавать не умела, даже воды боялась, поэтому не рисковала заходить дальше метра от берега, где вода уже доходила ей до пояса. Здесь почти не было песчаного пляжа, лес подходил к самой кромке воды, но в одном месте все же пролегала узкая полоска песка, где они обычно и разбивали палатку, если ночь обещала быть дождливой.

Не успела Лера заглушить двигатель, как Марк тут же стащил с себя кроссовки и носки, подкатал штанины джинсов, прихватил заранее припасенную бутылку виски и вылез наружу, оставив трость в машине. Пока он медленно ковылял к воде, зарываясь босыми ногами в песок, Лера вытащила из багажника палатку и несколько теплых одеял. Ставить палатку она научилась давно, да это и не требовало особых умений, поскольку они брали самую простую и легкую, которая могла защитить разве что от дождя и ветра. Согревали их обычно другие вещи: теплые одеяла, занятия любовью и алкоголь. Они никогда не приезжали сюда без бутылки хорошего виски. Марк слишком сильно уставал от общения с мертвыми, и в последнее время их визиты на озеро участились.

Расправившись с насущными делами, Лера тоже сняла кроссовки и села рядом с Марком. К этому времени бутылка была пуста уже на треть.

– Ничего себе ты пьешь, – проворчала Лера. Впрочем, без осуждения в голосе. Затем взяла у него из рук бутылку и сделала глоток. Виски обжег горло и тяжелым камнем упал в желудок. Она не любила вкус крепкого алкоголя, но любила его действие на организм: мысли начинали путаться в голове, не складываясь в привычные устрашающие картинки, зато фантазии городов и морей наливались красками, становились ярче и насыщеннее.

– Чем раньше я напьюсь, тем быстрее он заткнется, – мрачно отозвался Марк, рассматривая лунную дорожку на поверхности озера.

Лера с тревогой посмотрела на него.

– Ты слышишь его даже здесь?

– Я слышу его везде. – Марк забрал у нее бутылку и снова отпил из нее. – Вчера вечером как начал орать, так не затыкается. То громче, то тише, но почти без перерыва.

Лера понимающе кивнула, зябко поежившись от холода: небольшие волны озерной воды добегали до них, смачивая босые ступни. Ей с самого утра показалось, что Марк прилично надрался на ночь, поскольку даже к приходу Риты никак не мог проснуться. Жалела она только, что сделал он это без нее. Она никогда не бросала его в желании напиться, избавляясь от собственных демонов.

– И что он говорит?

– Да все то же, – Марк поморщился и сделал еще один глоток. – «Помоги». И больше ничего. Как заведенная игрушка.

– Надо заставить Риту помочь нам, – уверенно заявила Лера.

Марк нетерпеливо покачал головой, поскольку сразу ответить не смог, очередной раз приложившись к горлышку бутылки.

– Пошла она, – ответил он, наконец проглотив виски. – И все они. И она, и Ксения, и этот призрак. Надоели. Не хочу сегодня о них думать. – Он повернулся к Лере, протянул ей бутылку и улыбнулся. – Знаешь что? Хочу в Рим! Прямо сейчас. Но пустой, без людей. Только вековые камни, солнце, я и ты.

Лера рассмеялась, отпила немного, чтобы затуманить голову еще больше и не населить случайно свой Рим чудовищами, разрывающими ее мозг, а затем поднялась на ноги и протянула Марку руку.

– Тогда за мной, отважный путешественник!

Марк с удовольствием принял ее помощь, стоя на ногах несколько нетвердо, потому что ел в последний раз еще утром, а почти полбутылки виски на голодный желудок уже ощутимо подействовали не только на голову, но и ноги.

Он протянул руку, аккуратно снял с лица Леры темные очки, и его тут же окатило горячей волной ее дара. Он давно привык к этому ощущению, поэтому даже не пошатнулся.

Мгновение спустя мир изменился: больше не было ни леса, ни озера, ни полной луны в темном небе. Они стояли посреди огромного моста, босиком на раскаленном асфальте, яркое солнце нещадно палило сверху, и вокруг не было ни души. Марку было даже плевать на то, что Лера перепутала Рим с Нью-Йорком, он был согласен и на него. Главное, что здесь не было ни Риты, ни Ксении, ни невидимой души, заглушающей его мысли. Даже нога, казалось, болела чуть меньше. Марк притянул Леру к себе и коснулся ее губ, тоже имеющих привкус виски. Отзываясь на его желание, она прильнула к нему, и над мостом, жестоко разрывая тишину, грянула какая-то музыка, которую Марк не смог распознать: скорее всего, это было смешение нескольких композиций. Лера, на которую за последний год свалилось слишком много новой информации, часто путала музыку и делала из нее своеобразные миксы.

Она оторвалась от его губ и побежала к центру моста, раскинув руки в стороны и кружась в танце. Ее никогда не учили танцевать, но ей казалось, что это и неважно. Главное двигаться в такт музыке и получать удовольствие. Тем более в этом мире не было ни единого человека, кроме Марка, кто мог бы ее увидеть, а его она не стеснялась. Танцевать она обожала, но ей редко доводилось это делать: в клубы Ксения ее одну не отпускала, а Марк предпочитал озеро.

Голова кружилась от выпитого, и даже ее вечные монстры притихли. Судя по широкой улыбке Марка, который сидел прямо на асфальте, прислонившись спиной к ограждению, и наблюдал за ней, заткнулся и его призрак.

Она не знала, сколько прошло времени, прежде чем закончились силы, и музыка снова стихла. Она сама не заметила, как оказалась рядом с Марком на асфальте, чувствовала только его горячее дыхание на своем лице, пальцы на своей коже. Ее фантазия, разгоряченная алкоголем, смогла в полной мере наполнить реальность, и асфальт казался таким горячим и мягким, что его комфортно было касаться обнаженной спиной, хотя на самом деле он был холодным песком на берегу лесного озера.

Лера не помнила, зачем вообще ей пришло в голову открыть глаза, ведь она могла поддерживать эту выдуманную реальность, наслаждаясь происходящим, и с закрытыми глазами, но стоило ей это сделать, как она увидела по другую

сторону моста темную фигуру. Человек стоял далеко, и она не могла рассмотреть его лица, лишь длинный черный балахон, но этого хватило, чтобы испугаться. Здесь не должно быть людей, она была в этом уверена. Она снова зажмурилась, но, когда открыла глаза, фигура так и не исчезла. Она не была одним из ее монстров, это Лера тоже знала. Какая-то сторонняя сущность в созданном ею мире. Никогда раньше такого не случалось, и это пугало ее. Марк ничего не видел, и она не стала ни говорить ему, ни останавливать его. Лишь какое-то время спустя нащупала рукой лежащие рядом очки и надела их на нос, возвращая обоих на пустынный берег озера.

– Зачем? – обессиленно спросил Марк, приоткрыв один глаз и с досадой посмотрев на нее. – Мне нравилось там, мы могли бы остаться еще ненадолго.

– Потом. Мы вернемся. Сейчас мне надо немного протрезветь, я не могла удерживать видение, – солгала Лера, но Марку хватило этого объяснения.

Она быстро натянула на себя одежду, заставила его перейти в палатку, укрыла одеялом, но сама вернулась на улицу. Странный незнакомец не давал ей покоя. Оставшись одна, она позволила себе снять очки и внимательно оглядеться вокруг. И мост, и берег озера выглядели пустынными, как всегда. За все время, что они приезжали сюда, они ни разу не видели не то что людей, но даже следов их пребывания. Как будто никто не знал об этом месте или не мог сюда добраться. Лера нашла свои кроссовки, прихватила из машины фонарь и решительно направилась в сторону от палатки. Марк уже будет спать до утра, его теперь пушкой не разбудишь. А ей нужно обойти озеро по периметру и найти того, кто наблюдал за ними. Потому что если она никого не найдет, значит, незнакомец присутствовал только в выдуманном мире. А это очень, очень пугало.

* * *

Звонок в дверь раздался как раз в тот момент, когда Рита упаковала в рюкзак запасной свитер и принялась застегивать вечно заедающую молнию, чертыхаясь и обещая себе с первой же зарплаты купить новый рюкзак.

Провалявшись ночь без сна, она твердо решила все же поехать на дачу к бабушке, благо впереди маячили выходные, и ни на какое собеседование в ближайшие дни ее точно не позовут, так что упустить приличную работу она не

опасалась. Ей просто необходим был свежий воздух и несколько дней в тишине, чтобы привести мысли в порядок и восстановить душевное равновесие. Надо было уехать еще вчера, но она не решилась показываться на глаза слишком проницательной бабушке в таком раздрае.

Она знала, что поступила правильно, отказавшись участвовать в авантюре этих ненормальных магов-колдунов. Придумать же такое: убить, а затем воскресить человека! И тем не менее что-то внутри нее никак не могло успокоиться, нашептывая, что она отняла у человека последнюю надежду. Она помнила глаза Марка, когда он смотрел на нее и просил о помощи, и понимала, что для него это очень важно. Это казалось ненормальным, противоестественным с ее точки зрения, но необходимым – с его. И она хотела убежать от этого.

Услышав звонок в дверь, Рита поставила рюкзак на пол и посмотрела в сторону выхода из гостиной. Она не ждала никого в гости. С бабушкой разговаривала несколько часов назад, предупреждала, что приедет, немногочисленные подруги не являлись в гости без звонка, а соседи в основном находились на работе.

К ее огромному удивлению, на пороге стояла Лера собственной персоной. Футболку с принтом в связи с резким похолоданием сменила теплая толстовка с капюшоном, накинутым на голову. Черные волосы по-прежнему свисали по краям лица, челка падала на глаза, скрытые за темными очками. В тусклом свете парадной Рите показалось, что лицо Леры выглядит несколько помятым, как будто девушка всю ночь не спала или много пила. Откуда ей было знать, что и то, и другое является правдой?

– Лера? – удивилась она, так и стоя на пороге.

– Угу, – буркнула та. – Пройти дашь?

– Я ухожу уже.

– Уйдешь позже.

Рита не сдвинулась с места, только сложила руки на груди и упрямо нахмурилась, демонстрируя, что не собирается уступать назойливой гостье.

– Нам не о чем говорить, я Марку вчера все сказала.

– Не вынуждай меня применять силу.

Рита ничего не успела ответить хамке, как распахнулась дверь соседней квартиры, и из нее вышел сосед Витя: парень лет двадцати пяти, который, насколько Рита знала, работал где-то в автосервисе. Он относился к той категории людей, с которыми она предпочла бы не встречаться в темной подворотне, даже прожив много лет на одной лестничной площадке, а потому избегала и обычного общения. Завидев Леру, Витя остановился, окинул ее оценивающим взглядом с ног до головы, прислонился плечом к стене и восхищенно присвистнул.

– Вот это подружки у тебя, Ритка. Познакомишь?

– Отвали, – велела Лера, бросив на него презрительный взгляд.

– А че дерзкая такая? – тут же встал в позу сосед. – Хамить старшим кто научил?

Рите показалось, что Лера едва слышно вздохнула, а затем коснулась рукой оправы очков и на несколько секунд опустила их с глаз. Витя в то же мгновение отпрянул от нее, не удержался на ногах и шлепнулся на задницу, испуганно закрывшись руками. Лера тут же вернула очки на место.

– Я же сказала: отвали, – спокойно повторила она как ни в чем не бывало.

– Ты че творишь?! – завизжал Витя каким-то чужим, по-женски звонким голосом. – Я на тебя сейчас ментов вызову!

Лера громко рассмеялась.

– Ну давай. Будешь рассказывать – не упусти подробности.

Рита схватила ее за руку и быстро втащила в квартиру, захлопнув дверь.

– Вот так бы сразу, – ухмыльнулась Лера, сбрасывая балетки и без разрешения проходя в гостиную.

Рите ничего не оставалось, как последовать за ней. По всей видимости, на ближайшую электричку она опоздает, придется ехать следующей, а потом еще несколько километров шагать пешком через лесополосу к деревне, потому что на автобус она уже не успеет.

– А у тебя тут миленько, – заявила Лера, с интересом оглядываясь по сторонам.

Рита испытала глухое раздражение и даже как будто неловкость за старую мебель, салфетки на столах и чайные сервизы за стеклом серванта, но тут же разозлилась на себя за это чувство. Это их с бабушкой дом, и он выглядит так, как им обеим нравится.

Она присела на краешек дивана, как будто в любой момент готовилась снова встать, и коротко спросила:

– Что ты хочешь?

– Это же очевидно, – Лера широко улыбнулась. – Чтобы ты помогла Марку.

– Убила его?

– Наоборот.

Рита упрямо замотала головой.

– Я не собираюсь в этом участвовать.

– Почему?

– Это уголовно наказуемо.

– Наказуемо убивать, а тебе нужно лишь воскресить.

– А вдруг у меня не получится?

– Мы готовы пойти на риск.

– Я не готова.

И тут Лера сделала то, чего Рита никак от нее не ожидала: она присела рядом с ней на пол, взяла в ладони ее руки, до этого лежавшие на коленях, и заглянула в глаза, напоминая маленькую собачку, брошенную на морозе, которая с надеждой смотрит на каждого, кто ныряет в спасительно-теплые парадные. Сквозь темные очки Рите удалось разглядеть ее глаза, и реальность мгновенно начала уплывать, поэтому она поспешно отвела взгляд.

– Рита, пожалуйста. Помоги ему.

Рита вздохнула. Бабушка всегда говорила, что ей нужно научиться отказывать людям, если их просьбы ей не нравятся, но у нее почти никогда не получалось.

– Но почему я?

– Потому что никто другой этого сделать не может. Только ты обладаешь таким даром, мы многих проверили. Ксения может попробовать оживить его всякими этими фибрилляторами, но это слишком опасно, ты же понимаешь. Поверь, – Лера сильнее сжала ее руки, – если бы это могла сделать я, я бы сделала, не прося никого другого.

– Ты не похожа на человека, жаждущего помогать другим, – только и сказала Рита.

– Потому что я и не такой человек, в отличие от тебя. Но если есть среди людей кто-то, достойный моей помощи, то это Марк. Только ради него я в лепешку расшибусь.

Рита с удивлением посмотрела на нее и не сдержала любопытства:

– Почему он?

Лера отпустила ее руки и пересела на диван рядом с ней.

– Я покажу тебе.

Она сняла очки, и гостиная в ту же секунду исчезла. Рита увидела просторный холл, чем-то напоминающий больничный. Стены здесь были выкрашены светлой краской, через огромное окно падал солнечный свет, придавая помещению уютный вид. Мягкие диваны и кресла располагались напротив большого телевизора, а рядом с ними росли растения в деревянных кадках. У стены стояло несколько больших столов, застеленных накрахмаленными скатертями. На них лежали альбомы, цветные карандаши, краски, спицы, нитки для вязания и прочие принадлежности для несложного рукоделия. В холле находились и несколько человек – мужчины и женщины разного возраста. Все они были одеты в милые домашние костюмы ярких цветов. Рита приметила и троих крупных мужчин в форменной одежде медработников. Это еще больше убедило ее в том, что она видит больницу. Наличие крепких санитаров, приглядывающих за порядком, и решетка за огромным окном давали понять, что больница эта психиатрическая.

Однако не это привлекало ее внимание. В самом дальнем углу, скрытом от посторонних глаз большой пальмой, сидела девочка. В отличие от остальных, она была одета в длинную ночную сорочку. Темные, чисто вымытые, но не расчесанные волосы свисали по бокам бледного лица, а глаза были завязаны плотной тканью. Она сидела на полу, прижав колени к груди и натянув на них сорочку. На вид ей было лет семнадцать, но она держала в руках тряпичную куклу, принимаясь иногда выкручивать ей руки и ноги. В субтильной фигурке Рита без труда узнала Леру. Даже со стороны было видно, что остальные пациенты и санитары старались держаться подальше, иногда бросая на нее испуганные взгляды и тут же поспешно отворачиваясь.

Затем картинка сменилась. Точнее, разницы Рита почти не увидела: все те же стены, пациенты в ярких костюмах, Лера в углу, только за большим окном пушистыми хлопьями падал снег, а в центре холла стояла высокая разноцветная елка. Видимо, время приближалось к Новому году. Спустя несколько минут к сидящей на полу Лере медленно подошел светловолосый мужчина в темно-сером спортивном костюме с тростью в одной руке и большой папкой в другой. Марк. Он присел рядом с Лерой и коснулся ее пальцев, лежащих поверх сорочки. Она тут же отдернула руку, сжавшись в комок и спрятав лицо в коленях, как будто пыталась закрыться от него еще больше. Марк посидел немного рядом, возможно, что-то говорил – звуков Рита не слышала – а затем положил папку на пол рядом с Лерой, поднялся на ноги и ушел.

В следующей показанной Рите картинке Лера сидела одна на кровати в маленькой одноместной палате без окон. Глаза ее больше не были завязаны, а в руках она держала ту самую папку, которую дал ей Марк. В папке оказались рисунки. Наверное, его. На больших белых листах то яркими красками были нарисованы леса и поля, то обычным простым карандашом сделаны наброски улиц и домов. Лера жадно рассматривала каждый рисунок, иногда наклоняясь так близко, словно пыталась почувствовать его аромат, трогала пальцами, повторяя контуры изображений.

И снова больничный холл. Все тот же угол. Марк рядом с Лерой, только теперь она уже не сторонится его, а даже несмело улыбается в ответ на какие-то его слова. Марк протягивает руки и осторожно, как будто опасаясь разбить хрупкое стекло, снимает с ее головы повязку. Ее глаза крепко зажмурены, а пальцы нервно сминают ткань сорочки. Марк вытаскивает из кармана большие темные очки и аккуратно надевает их Лере. Несколько секунд они сидят молча, а затем начинают смеяться. Рита поняла, что именно Марк придумал этот фокус с очками, позволяя тем самым Лере не проецировать на других людей образы из головы.

И вот они уже снова сидят на кровати в тесной палате. Лера в темных очках листает большой яркий альбом с иллюстрациями разных городов. Марк периодически задерживает ее внимание на каком-нибудь из них, что-то говорит и показывает пальцем. Лера послушно кивает и широко улыбается.

Лера вернула очки на нос, и Рита снова оказалась в своей гостиной. Несколько секунд она молчала, разглядывая лицо сидящей рядом девушки и пытаясь разложить увиденное в голове.

– Что это было за место? – наконец спросила она. – Какая-то больница?

– Психиатрическая, – как ни в чем не бывало кивнула Лера. – Частная, жутко дорогая и элитная, но суть от этого не меняется.

– Ты лежала в ней?

– Я в ней жила. Родители сдали меня в приют, когда мне не было еще и трех, – при этих словах лицо Леры исказилось самой натуральной ненавистью. – Как только я научилась более или менее связно мыслить, я показывала окружающим

картинки из своей головы. Вот они и испугались. Отказались от меня и никогда не навещали. Это же так просто: отказаться от одного ребенка и родить другого взамен бракованного.

Лера смотрела на нее, явно ожидая какой-то реакции, но Рита не знала, что сказать.

– Меня держали в отдельной комнате, не разрешали играть с другими детьми, – продолжила Лера. – Да и взрослые старались заходить поменьше. Я почти все время была одна, ни с кем не общалась. Я ненавидела их всех, поэтому ничего хорошего в моей голове не рождалось. И в те редкие минуты, когда кто-то встречался со мной взглядом, я в полной мере выплескивала на них свою ненависть. Меня боялись и ненавидели еще больше. А потом – мне было лет шесть или семь, я точно не помню – за мной пришли. Завязали глаза и перевезли в другое место. И вот там со мной общались! Много, долго, нудно. Цепляли к голове какие-то провода и датчики, заставляли что-то делать. Орали часто, иногда били. И я ненавидела их еще сильнее. И картинки в моей голове становились еще ужаснее. Так прошло еще несколько лет. Потом меня вернули обратно в приют. Опять держали взаперти и не разговаривали со мной, но теперь я была этому уже рада. Я тогда не понимала ничего, это уже потом Ксения мне сказала, что моим «даром» интересовались какие-то люди. Они пытались понять, как меня можно использовать, но так и не смогли мною управлять, поэтому вернули обратно. Хотя все еще периодически наблюдали и, наверное, надеялись, что во взрослом возрасте со мной будет проще договориться. Но не вышло. Когда мне исполнилось восемнадцать, из детского приюта меня перевели в ту клинику, что ты видела. Полагаю, мое пребывание там было оплачено теми же странными людьми. Там я и познакомилась с Марком и Ксенией. Ксения работала врачом, она ведь психиатр на самом деле, а не колдунья.

– Да уж об этом я догадалась, – усмехнулась Рита. – Значит, после того, как Марк придумал фокус с очками, тебя выпустили?

– Ну прям таки, – фыркнула Лера. – Разбегутся они. Та Валерия Меркулова умерла полтора года назад. Прыгнула с крыши, когда ее нечаянно оставили без присмотра, и разбилась насмерть. А я другая.

– Это Марк с Ксенией сделали?

– Ксения. Ей не улыбалось всю жизнь работать в психушке, хоть и элитной, вот она и пронюхала, что с моими способностями сможет заработать. А заодно и Марка к себе привязала. На нем, знаешь ли, тоже можно клиентов привлечь. Разговор с духами в паре с видениями – прекрасный способ заработать.

– Погоди-погоди, – Рита прижала пальцы к вискам и на несколько секунд прикрыла глаза. Все это казалось каким-то бредом. Впрочем, уже третий ее день подряд походил на бредовый сон. – А Марк там как оказался?

Лера приподняла брови, как будто Рита спросила глупость.

– А ты сама подумай, – с легкой иронией в голосе предложила она. – Чувак попал в аварию, долго лежал в больнице, с травмой головы в том числе, а затем начал слышать голоса, которых больше никто не слышит. Где ему самое место после такого?

Рита понимающе кивнула.

– Его тоже отправили в эту вашу элитную психушку?

– Он сам пришел. В этом весь Марк. Он подумал, что болен, поставил себе диагноз и пришел лечиться. И знаешь, его ведь на самом деле лечили. Таблетки приглушали голоса, и на них он не слышал мертвых. Ему ставили ремиссию и выписывали. Потом он переставал пить лекарства, и все начиналось заново. Пока Ксения не разобралась, что это никакая не шизофрения. Но знаешь, – Лера вдруг мечтательно улыбнулась, – я обожала те месяцы, когда он был в клинике. Он единственный общался со мной. Даже после того, как я начала носить очки. Он показывал мне все эти альбомы, рисовал для меня картины, рассказывал о городах, в которых я никогда не была. Потом даже притащил для меня телевизор и показывал разные документальные фильмы. Он научил меня видеть в голове не только кошмары, понимаешь? Он не дал мне окончательно сойти с ума от ненависти. Вытащил меня из той ямы, в которую все так тщательно запихивали почти двадцать лет. И если кто-то в этом мире достоин помощи, то это он, потому что он лучший из людей.

Рита снова кивнула.

– Хорошо, – наконец сказала она, испытывая причудливый клубок из мыслей и чувств, – хорошо, я помогу ему.

Глава 5

Ощущения были странными. Марк плохо помнил, как чувствовал себя восемь лет назад, тогда все случилось слишком быстро, он даже не успел ничего понять. В этот раз все происходило гораздо медленнее, а потому он смог «насладиться» происходящим. Ксения ввела ему в вену какое-то лекарство, от которого страшно захотелось спать. Лера сидела рядом, глядя на него с любопытством, но в ее глазах он не увидел ни капли переживания, и это почему-то задело. Не то чтобы он был влюблен в нее или ждал чего-то подобного от нее, но все же у него были основания полагать, что они значат друг для друга достаточно, чтобы она волновалась. Впрочем, он бы не удивился, если бы узнал, что Лера просто не до конца понимает, чем ему грозит эта затея. Наверное, она одна в этой комнате не сомневалась в том, что все получится. Он был морально готов к любому исходу.

Зато Рита переживала за двоих. Сначала она вообще заявила, что не собирается при этом присутствовать, подождет за дверью, но затем решила остаться. Она стояла у окна, нервно кусая губы и глядя на него с такой неподдельной тревогой, что Марку вдруг стало невероятно любопытно, что она будет делать, если у нее ничего не получится. Конечно, они с Ксенией на всякий случай заготовили реанимационный набор, но все понимали, что надежды на него гораздо меньше, чем на ее дар.

И лишь когда сознание почти угасло, ему вдруг стало страшно. Страшно настолько, что захотелось немедленно потребовать все прекратить. Пусть он не сможет избавиться от досаждающего ему призрака, пусть тот продолжит орать ему на ухо, сводя с ума, зато он останется жить. В конце концов можно почаще ездить на озеро и напиваться до отключки. Тогда затихают все призраки мира. Марк вдруг понял, что он вовсе не готов к любому исходу. Однако ничего сказать он уже не смог.

Затем стало отчего-то холодно. Он открыл глаза и с удивлением обнаружил, что стоит рядом с Ритой у окна. На одно мгновение ему показалось, что она что-то

почувствовала, потому что как-то странно вздрогнула и оглянулась по сторонам, однако ее взгляд скользнул по нему как по пустому месту, и он понял, что она его все же не видит.

Смотреть на свое тело и знать, что оно мертво, было неприятно, поэтому Марк поспешно отвернулся, запомнил только расположение белого листа бумаги и карандаша на столе, который они оставили на случай необходимости общения. Рита дала ему три минуты, максимум – четыре. Если он справится раньше, то постарается написать об этом, если нет, то через четыре минуты она его возвращает. Даже если он ничего не успеет. И почему-то Марку сейчас казалось, что так и будет. Слишком мало времени.

Он быстро понял, что находится здесь один. Никакого намека на призрак или дух. На еще один призрак или дух, поскольку им же он был теперь сам.

– Какого черта? – вслух выругался Марк. – Когда тебя не просишь, ты здесь, а как нужен, так не явился.

Он огляделся по сторонам, пытаясь придумать, как позвать того, кто мешал ему жить. Он ведь даже имени его не знает. Черт, почему он не подумал об этом раньше?

– Эй, ну ты где? – Марк повернулся вокруг своей оси, разглядывая каждую тень по углам. Перед «сеансом» они задернули плотные шторы, а потому в комнате царил приятный полумрак. – Давай, я слушаю тебя. Говори!

Однако желающих говорить не нашлось. Даже Ксения, Лера и Рита напряженно молчали, глядя на бездыханное тело на диване. Марк зло выдохнул, только сейчас понимая, что все это время не дышал, и направился в сторону той части квартиры, где находилась приемная колдуньи. Возможно, там призраку будет проще связаться с ним? Пусть хрустальный шар и был бутафорией, купленной в магазинчике «Все для гадалки» на Невском, а ароматические свечи и черные стены лишь создавали антураж, но все же именно там он чаще всего по-настоящему общался с мертвыми, а Ксения раскладывала свои карты, которые редко врали. Как бы то ни было, но именно та комната имела необходимую атмосферу.

В приемной, как всегда, было темно. Лишь на круглом столе горела толстая свеча, которая немедленно затрещала и заискрилась, стоило Марку войти в комнату. Он улыбнулся: не врал старый колдун, когда говорил, что свеча сделана по старинному рецепту и реагирует на появление призраков. Деда где-то нашла Ксения, ездила к нему, чтобы он поделился знаниями, но тот не захотел. Сказал, что уйдут они в могилу вместе с ним. Только вот десяток свечей и удалось у него выпросить, да и то за баснословные деньги. Впрочем, старый колдун и его свечи волновали сейчас Марка меньше всего, поскольку реагировала свеча на него, а не на посторонний призрак.

Он не заметил, как за его спиной от стены отделилась черная тень и медленно приблизилась к нему сзади. Снова легонько затрепетала свеча, как будто по комнате прокатился сквозняк, но он решил, что это опять реакция на него. И лишь когда кто-то коснулся его волос на затылке, Марк резко обернулся, но не успел ничего сделать, как оказался на полу, прижатый к нему тенью. Где-то на краю сознания мелькнула мысль, что призраки бесплотны, но он не успел ее обдумать. Да и какая разница, если что-то тяжелое навалилось на него сверху, не давая пошевелиться. На него дохнуло могильным холодом, и у самого уха он услышал знакомый голос:

– Помоги-и-и-и…

Марк попытался сбросить с себя тень, но та оказалась слишком тяжелой. Ощущения походили на то, как будто на нем лежал огромный пласт земли, а не тень, бывшая когда-то обычным человеком.

– Помоги-и-и-и, – хрипела она, – помоги-и-и-и…

– Да помог бы я тебе… – Марк собрал все силы, уперся руками в плечи потусторонней сущности и снова попытался сбросить ее с себя, но это было равносильно тому, что пытаться сдвинуть каменную глыбу. – Если бы ты сказал… как…

Тень на мгновение замолчала, и Марк вдруг увидел прямо перед собой ее лицо: огромное, уродливое, с большими мясистыми губами у самых его глаз. Он даже не смог определить, мужское это лицо или женское. Возможно, раньше ему по голосу казалось, что это подросток, потому что на самом деле это была женщина?

– Кто ты? – с трудом превозмогая отвращение, спросил Марк. – Как тебя зовут?

Губы шевельнулись, и он увидел два ряда кривых, желтых зубов.

– Сосн… сосно… сосн… – Призрак как будто пытался сказать что-то, но не мог, а потому завел привычную шарманку: – Помоги-и-и-и…

Возможно, Марку и удалось бы чего-то добиться от него, если бы комнату не начали заполнять другие призраки, словно открылась какая-то невидимая дверь. Марк не видел их, но чувствовал приближение, слышал их голоса.

– Забери его! – требовал визгливый старческий голос.

– Украли… – вторил ему еще один.

– Забери!

– Мешает…

– Мое…

Свеча на столе вспыхнула ярким взрывом почти до потолка, а затем резко погасла, погрузив комнату в полную темноту, в которой шевелились, не замолкая, многочисленные призрачные тени. Каждая кричала что-то свое, и в какой-то момент Марку показалось, что голова сейчас взорвется. Он отпустил плечи призрака, который все еще лежал на нем сверху, зажал ладонями уши, но голоса тише не стали.

– Забери!

– Он мне мешает!

– Не отдам!

– Рита! – его голос утонул в какофонии посторонних звуков, так и не добравшись до белого листа бумаги на столе.

* * *

Металлический привкус во рту ясно давал понять, что пора перестать кусать губы, но Рита ничего не могла с собой поделать. Она то и дело смотрела на часы, но время как будто остановилось. Секундная стрелка с огромным трудом перетаскивала тело с одного деления на другое, то и дело грозя зависнуть между ними. С тех пор, как сердце Марка перестало биться, прошло ровно три минуты, а ей казалось, что как минимум три часа.

– Еще минута – и я его возвращаю, – тихо сказала она.

Ксения только нетерпеливо махнула рукой.

– Он напишет, когда будет можно, – голосом за нее ответила Лера.

Рита взглянула на нее, мысленно подивившись такой уверенности и спокойствию. Как будто не Лера вчера просила ее помочь Марку, говорила, что ради него сделает все, что в ее силах. Рите казалось, что между этими двумя что-то есть, но разве так ведут себя по отношению к человеку, которого любят? Она знала Марка всего два дня, никаких особенных чувств к нему не испытывала, но волновалась гораздо сильнее, чем Лера. Возможно, потому что именно от нее зависело, сможет ли он вернуться?

Лист бумаги оставался девственно пуст, а часы между тем отсчитали положенные шестьдесят секунд.

– Все, я его возвращаю, – не выдержала Рита, шагнув к дивану, но Ксения быстро остановила ее:

– Нет! Еще не все.

– Вы с ума сошли? – Рита недоуменно посмотрела на нее.

– Он напишет, – повторила Лера с ледяным спокойствием в голосе.

– А если нет? Если он не может написать? Призраки пишут ему, потому что он зовет их с этой стороны, но сейчас его звать некому.

– Он медиум, напишет сам, – уверенно заявила Ксения.

– Знаете что, я не собираюсь ждать, когда спасать будет уже некого! – Рита снова уверенно шагнула вперед, но Ксения резко обернулась к ней, выставив руку вперед, и Рита замерла на месте, словно между ними возникла прозрачная стена. В руке у Ксении были зажаты ножницы с двумя длинными острыми лезвиями.

– Стой, где стоишь, – приказала она.

Рита с удивлением и испугом смотрела на ножницы.

– Вы… вы что?..

– Я сказала, не подходи.

Сердце стучало, как сумасшедшее, и Рита никак не могла понять, стучит оно так сильно от испуга или от осознания того, что на ее глазах умирает человек, а ей не позволяют спасти его. Часы тем временем отсчитали еще тридцать секунд. Четыре с половиной минуты.

– Вы же убьете его!

– Он уже мертв. Мы даем ему время разобраться.

– Вы сумасшедшие!

– Это мы уже слышали.

Пять минут.

– Нужно найти другой способ. Если этот не сработал, мы придумаем что-нибудь другое!

– Мы пытались. Другие способы не работают.

– Тогда чуть позже попробуем еще раз.

– Лучше дать ему время сейчас, чем заставлять снова переживать подобное. Это не в магазин лишний раз сбегать.

Пять с половиной.

Рита в отчаянии снова закусила губу, уже не обращая внимания на привкус крови.

– Вы же врач. Вы понимаете, что его мозг скоро умрет. И тогда бесполезно будет оживлять. Чем это лучше, чем попробовать еще раз? – Она повернулась к Лере. – Лера, он умрет. Окончательно и бесповоротно. Я не смогу его спасти.

– Он напишет, – как заведенная игрушка повторила Лера, но уже не так уверенно, как раньше.

Шесть минут. Теперь стрелка летела вперед по циферблату, словно сбросила с себя тяжкие оковы.

– А если нет? Если не напишет? Сколько еще времени вы будете ждать? Лера, он умрет, ты понимаешь это?!

Лера неуверенно взглянула на Ксению, но та была непоколебима.

Шесть с половиной.

– Еще десять секунд – и я не стану даже пытаться, – выдохнула Рита, наконец в полной мере осознавая, во что ввязалась. Интересно, сколько дают за соучастие в убийстве?

Возможно, что-то такое было в ее голосе, что убедило и Ксению, и Леру в том, что она не шутит.

– Ксения, пожалуйста! – сказала Лера. – Позволь ей…

Та без лишних разговоров поднялась с дивана, уступая Рите место. Она тут же бросилась к Марку, приложила ладони к его вискам, ожидая пробуждения силы. Прошла секунда, две, три – но так ничего и не произошло. Рита не чувствовала в себе ничего особенного. Никакого завязывающегося внутри щекочущего узла из серебристых нитей, никакого покалывания в кончиках пальцев – ничего. Она закусила губу, отстраненно понимая, что вскоре от нее останется только кровавое месиво, оторвала ладони от Марка, потерла их друг от друга и снова приложила к его голове.

Ничего.

«Что ты натворила?! – некстати ожил внутренний голос. – Зачем ты на это согласилась? Ты не бог. Те два раза были случайностью, и ты решила, что можешь воскрешать людей? Ты убийца, Рита! Теперь ты убийца».

Краем глаза Рита видела, как Ксения набирает в шприц какое-то лекарство, а заранее проинструктированная Лера выдавливает на пластины дефибриллятора гель. Она знала, что это бесполезно. Прошло слишком много времени.

– Отойди! – велела ей Ксения, выпуская воздух из шприца.

Рита уже собралась уступить ей место, как вдруг что-то произошло: сила в ней проснулась так резко и так быстро, что она не успела ее остановить. Огромный серебристый клубок внутри взорвался миллиардами нитей, прошивших насквозь ее кожу. Риту швырнуло вперед, Марк под воздействием нитей приподнялся над диваном, и их лбы чуть не столкнулись. Он резко вдохнул, упал обратно на подушку, и лишь тогда Рита смогла оторвать от него руки и вскочить с дивана. Кожу на ладонях жгло огнем, как будто она сунула их в кипяток.

– Марк! – Лера тут же бросилась ему на шею, крепко сжимая в объятиях.

Тот осторожно обнял ее в ответ, глубоко и тяжело дыша, как будто только что вынырнул из воды. Он встретился взглядом с Ритой и с трудом выдавил из себя некое подобие улыбки.

– Больше я на такое не подпишусь.

– Я тоже, – согласно кивнула она, все еще чувствуя в себе отголоски взрыва: ноги дрожали от напряжения, голова кружилась и уже начинало тошнить. Пожалуй, следующие несколько дней ей не стоит вставать с кровати.

Несколько минут Ксения и Лера хлопотали вокруг Марка: чем-то поили его, укутывали пледом, хотя в комнате было жарко. Рита смотрела на все это со стороны, позволив себе наконец присесть в кресло. Голова кружилась все сильнее, и она уже мысленно подсчитывала деньги в кошельке: домой ей лучше поехать на такси.

– Ну что, ты поговорил с ним? – спросила тем временем Ксения, решив, что заботы Марку оказали достаточно и можно переходить к делу.

Тот лишь поморщился в ответ.

– Ничего путного он так и не сказал. Опять это свое бесконечное «помоги». Еще говорил что-то типа «сосны» или «сосновое».

– Сосновое? – переспросила Лера. – Что это значит?

– А я знаю? Я спросил, как его зовут, а он начал говорить про сосны. Потом вообще набежала толпа призраков, я уже ничего не мог расслышать.

– Возможно, фамилия? Или указание местности? – предположила Ксения. – Название улицы? Деревни?

– Я боюсь представить, сколько даже в Ленобласти деревень с таким названием, – проворчал Марк.

– Сейчас проверим.

Лера поднялась с дивана, открыла лежавший на столе ноутбук и быстро застучала по клавишам.

– Сосновый бор, Сосны, Сосновка, Сосновое, Соснянка, Сосново… Шесть.

– Я за тобой еще перепроверю, – проворчала Ксения. – Не исключено, что ошибок наделала.

Лера надулась, но ничего не ответила.

– А сколько еще Сосновых улиц, – тихо добавила Рита. Ей было нехорошо не только от применения силы, но и от осознания того, что все было зря. Марк едва не умер ради крошечной информации, которой нельзя воспользоваться. – И кого искать на этих улицах?

– Я видел его, – добавил Марк. Он протянул руку и взял со стола лист бумаги и карандаш. – Могу нарисовать.

Его рисунок совсем не походил на фоторобот, который обычно составляют в полиции и показывают по телевизору в криминальных новостях или печатают в газетах. Скорее это был легкий набросок, какие иногда рисуют многочисленные художники на набережных и центральных улицах города, привлекая туристов. Широкий приплюснутый нос, маленькие скошенные к носу глаза, мясистые губы, сглаженные черты лица, короткая шея. Только прическа пряталась под капюшоном.

– Вот это урод, – скривилась Лера, увидев портрет.

– Это не урод, – в один голос возразили Рита и Ксения. – Это человек с синдромом Дауна.

– Теперь я понимаю, почему он не мог сказать ничего внятного, – нахмурился Марк, тоже разглядывая собственный рисунок. – Не потому, что не мог достучаться до меня с того света. Он просто был болен при жизни.

– Зато мы теперь знаем, где и как его искать, – заявила Ксения и, поймав на себе недоуменные взгляды, пояснила: – Такие люди всегда состоят на диспансерном учете. Нам достаточно связаться с медицинскими учреждениями всех этих Сосновок, и мы получим список людей с синдромом.

– А почему вы решили, что он непременно из Ленобласти? – не поняла Рита. – Что если дальше?

Ксения, Марк и Лера переглянулись.

– Понимаешь, духи обычно связываются с теми, кто ближе, – осторожно пояснил Марк. – Это ведь не так-то просто на самом деле. Требуются определенные затраты энергии, которой сложно управлять. Особенно если нет медиума, который может помочь с другой стороны. Если бы этот человек жил где-то далеко, он пристал бы к кому-то, кто ближе, чем я. Я ведь не единственный медиум в мире. Нас не так и мало, просто не все осознают и могут управлять своим даром. Если не найдем его рядом, расширим круг поисков на ближайшие области.

Рите показалось это сомнительным объяснением, но она не стала спорить. Во-первых, во всей этой метафизике она понимала гораздо меньше, чем они, а во-вторых, ей не было до этого никакого дела. Она свою работу выполнила, остальное ее не касается.

Ксения, видимо, подумала так же, потому что поднялась с дивана, вытащила из-под сложенных на столе журналов конверт и протянула его Рите.

– Держи. Это оплата.

Та только головой качнула.

– Я не буду брать деньги.

– Почему?

– Потому что я это делала не ради них.

По губам Ксении скользнула презрительная усмешка.

– Бери, бери. Так мы изначально договаривались. Любая сделка должна быть оплачена – это главный закон Вселенной.

Рита перевела недоверчивый взгляд с нее на конверт, но прежде, чем она успела что-то ответить, Марк спросил:

– А то, может, ты хочешь продолжить с нами поиски этого человека?

Глава 6

Рита никогда не считала себя уверенным водителем. Она сдала на права сразу после колледжа, собираясь купить себе какую-нибудь подержанную машину, но эти мечты так и остались мечтами. Даже старые машины стоили немало. При желании, конечно, собрать на нее можно было, но желание у Риты оказалось не настолько сильным. Она прекрасно обходилась общественным транспортом, зато была избавлена от проблем с парковкой, заправкой, налогами и прочими вещами, на которые ей периодически жаловались приятели-автовладельцы. Однако Марк не захотел садиться за руль своей машины, поэтому пришлось это сделать ей.

С понедельника, сразу как закончились выходные, Ксения и Лера начали искать подходящих людей в городе, используя где медицинские связи Ксении, где дар Леры, а Рите и Марку достались деревни. Вчера они успели посетить три, находившиеся ближе всего к Санкт-Петербургу, но там не оказалось никого, кто подходил бы под их описание. Точнее, во второй жил один человек с синдромом Дауна, но, едва увидев его фотографию, Марк уверенно заявил, что это не он. Парнишке было всего тринадцать лет. Марк же утверждал, что его персональному призраку больше: лет восемнадцать-двадцать.

Сегодня они решили посетить еще две деревни, находившиеся в восточном направлении. Первая снова оказалась холостым выстрелом, но на нее они потратили непростительное количество времени, поскольку сначала не было на месте фельдшера, затем он долго не мог понять, что от него хотят. По запаху перегара, исходившему от него, Марк и Рита легко догадались о причинах такой «тормознутости».

В Соснянку, которая находилась еще в восьмидесяти километрах восточнее, они выехали уже после трех часов. Судя по сведениям из Интернета, эта деревня была меньше предыдущих, но свой ФАП имела, поэтому они надеялись там что-нибудь узнать.

– Сегодня ты неплохо ведешь, – с улыбкой заметил Марк, когда они отъехали на несколько километров от предыдущего поселка.

Рита скептически хмыкнула. На ее взгляд, она водила отвратительно: тащилась за медленными машинами, боялась обгонять, а когда все же решалась, делала это так резко, что пару раз получала недовольный сигнал от других водителей, которых невольно подрезала, неправильно рассчитав дистанцию в зеркале. Рабочий день еще не завершился, а потому сейчас трасса была почти пустой, и она могла наконец немного расслабиться.

– Нужно было тебе ехать с Лерой, – сказала она, но без обиды в голосе.

– Ну уж нет, – Марк рассмеялся. – Каждый раз, садясь с ней в машину, я мысленно прощаюсь с жизнью. Я еле заставил ее выучить элементарные правила, но и те она игнорирует. Еще со мной ездит более или менее, видимо, щадя мою психику после той аварии, а что делает сама – мне страшно представить. Полагаю, все ее штрафы – это даже не половина того, что она вытворяет на дороге.

– И у нее еще не отобрали права? – удивилась Рита, внимательно следя за дорогой и выражая эмоции лишь слегка приподнятыми бровями. – Или она ездит без них?

– У нее их полный стол.

Рита все же не удержалась и бросила на него удивленный взгляд. Оказалось, на пустой дороге это не так и страшно: машина не стремится уйти в кювет сразу, как только водитель на мгновение отвлекается.

– Она ведь тебе говорила, что официально мертва? – Марк спросил это таким тоном, что Рита поняла: Лера ему рассказала об их разговоре. – Когда Ксения делала ей новые документы, сделала и права. И не одни. На самом деле Лера очень способная девочка. Бестолковая, взбалмошная, но способная. У нее прекрасная память, она быстро обучается. За год она освоила то, на что у других уходит много лет. Все остальное лишь пробелы в воспитании. Ее ведь никто не воспитывал, никто ничему не учил. Хорошо хоть не держали все время в изоляторе и еду под дверь не подсовывали. У нее нет представления о семье, об ответственности, нормах поведения в обществе. Шесть лет назад, когда я

познакомился с ней, она была диким волчонком. То, что ты видишь сейчас, это уже огромный прогресс. Хотя, конечно, с ней еще работать и работать, прежде чем можно будет позволить жить самостоятельно.

Рита снова бросила на него короткий взгляд. На этот раз заинтересованный. Марк сжимал обеими руками трость и смотрел сквозь лобовое стекло, как ей казалось, прямо в прошлое.

– Почему ты решил помочь ей?

– Не знаю, – он пожал плечами. – Мне стало ее жалко. Первый раз я лежал в больнице около месяца, но к ней не подходил, хотя видел ее каждый день. На тот момент меня больше волновало свое психическое здоровье, чем чужое. Санитары выводили ее утром уже с завязанными глазами на пару часов, которые она все время сидела в углу, ни с кем не разговаривая. Да и ее все боялись, иногда только дразнили. На обед ее уводили в палату, затем вечером снова приводили. Однажды кто-то разозлил ее, она сорвала с себя повязку, и всех просто разметало по коридору. Ты себе не представляешь, какой ужас творился у нее в голове. Я даже не помню, чем закончился тот день. Ксения говорила, кто-то из санитаров смог доползти до нее и закрыть ей глаза. Нас всех собирали по всему отделению, кололи транквилизаторы. Ее на несколько недель посадили в изолятор. Когда выпустили – не знаю, я к тому времени уже выписался. Голоса в моей голове, как я тогда считал, под воздействием лекарств утихли, и я думать забыл о какой-то там девчонке. А когда через несколько месяцев организм оклемался, и духи снова явились ко мне, я пошел обратно. Лежал уже три месяца, вот тогда и обратил на нее внимание. Делать было все равно нечего. На самом деле, ничем помогать ей я не собирался, она меня просто заинтересовала своей необычностью и своим одиночеством. Сам не заметил, как привязался, честно, – он улыбнулся и состроил комичную рожицу.

Рита рассмеялась в ответ.

– По правде говоря, я страшно удивилась, когда Лера сказала, что ты сам пришел к врачу, – осторожно заметила она, давая ему шанс либо рассказать, либо перевести разговор на другую тему, однако Марк, видимо, был вовсе не против обсудить это с ней.

– А куда же мне еще было идти? – усмехнулся он, но Рите показалось, что на этот раз улыбка была несколько искусственной. – Я же не сразу понял, что эти голоса – не мое больное воображение.

– А как понял?

Марк некоторое время молчал, подбирая слова.

– Просто начал замечать, что иногда голоса дают реальные подсказки. Говорят что-то такое, чего я не могу знать, но могу проверить. И это оказывалось правдой. Рассказал Ксении. Она была и моим врачом тоже, но я не знал, что она умеет гадать и интересуется экстрасенсорикой. Пара экспериментов – и оказалось, что я просто-напросто медиум. А еще через год она придумала этот план: она увольняется, Лера «умирает», а я ухожу в полную ремиссию. Мы долго готовились, но зато все получилось. А потом открыли магический салон.

Рита нахмурилась.

– Зачем ей это?

– Ты просто не представляешь, какие деньги приносит «магия». Особенно когда в одном месте собираются три человека с экстрасенсорными способностями. Ксения никогда бы столько не заработала врачом даже в элитной психушке, а деньги она любит.

– А вы? Тоже ради денег?

– Можно и так сказать. – Марк опять улыбнулся. – Лера «отрабатывает долг». Я не знаю, в какую сумму Ксении обошлись история с ее самоубийством и новый пакет документов, но мне кажется, она уже все отработала. Просто ей идти некуда. И страшно. Она ведь никогда не жила одна.

Рита посмотрела на него, но он предугадал ее вопрос.

– А мне тоже идти некуда. У меня в анамнезе пять лет психического заболевания, с ним на приличную работу не устроишься. Плюс я инвалид, – Марк приподнял чуть выше трость. – Да и не хочу я работать с девяти до шести пять

дней в неделю. Сидеть на шее у родителей в моем возрасте тоже как-то странно.

– А живопись? Ты ведь раньше ею зарабатывал?

– Я ее забросил, пока лечился. Рисовал только несложные картинки для Леры иногда. Под таблетками писать сложно, выходит сплошной авангардизм, а прослыть очередным шизофреником, пишущим кошмары из своей головы, я не хотел. За это время обо мне забыли, и я не готов заново зарабатывать себе имя.

– Медиумом быть проще? – не удержалась Рита.

– Намного, – подтвердил Марк, и в его голосе проскользнули ледяные нотки.

В салоне автомобиля повисла неловкая пауза. Марк угрюмо уставился в окно, Рита тоже предпочитала молчать: они уперлись в небольшую очередь из автомобилей, которые собрались за медленно движущимся грузовиком, а потому ей предстояло в скором времени пойти на обгон.

Когда же сложная ситуация на дороге осталась позади, Рита бросила несколько взглядов на Марка, решая, как бы исправить ситуацию, но в голову как назло ничего не приходило. В какой-то степени она была очарована им, она не собиралась скрывать это от самой себя. И даже его признание в том, что медиумом быть проще, чем заново зарабатывать себе имя в мире искусства, не омрачило тот романтичный образ, который она себе уже нарисовала. Поэтому ей не хотелось снова задевать его необдуманными словами.

– Лера говорила, что ею интересовались какие-то люди, проводили опыты и все такое. Это правда? – спросила она, стараясь, чтобы вопрос прозвучал легко и непринужденно.

Наверное, ей это удалось, потому что Марк повернулся к ней с недоверчивой улыбкой и улетевшими под светлую челку бровями.

– Серьезно? Она так тебе и сказала?

Рита кивнула, вдруг почувствовав себя доверчивой идиоткой. По тону Марка она уже поняла, что это неправда.

– Лерка любит придумывать всякую ерунду, фантазия у нее работает прекрасно. Впрочем, я не могу знать наверняка. Когда мы познакомились, ей было уже девятнадцать. После совершеннолетия ее из интерната перевели в клинику, а что было раньше, я не знаю. По крайней мере, Ксения не упоминала ничего такого, и в ее документах нет записей о том, что она жила где-то вне интерната. Но мне, наверное, стоит расспросить тебя подробнее о том, что еще она тебе наговорила, – он задорно улыбнулся, – чтобы избежать каких-нибудь недопониманий в будущем.

– Больше вроде бы ничего такого, – улыбнулась в ответ Рита. – Разве что еще только о своих родителях.

Марк мгновенно напрягся, это не укрылось от нее, хоть она и продолжала следить за дорогой.

– Что именно она говорила? – его голос тоже прозвучал напряженно, и в нем не было уже ни тени улыбки.

Рита задумалась, вспоминая.

– То, что они ее бросили, а себе завели другого ребенка.

– И все?

– Да. Марк, в чем дело?

– Понимаешь, у Леры есть навязчивая идея. Она ненавидит своих родителей и хочет отомстить, уничтожить, как она сама говорит. Ксения считает, что это желание – словно ниточка, которая помогает ей выжить. Представь, каково ей было сначала в интернате, а затем в больнице. Она была совсем одна, никому не нужная. Ни родных, ни даже друзей. Да и сейчас ей непросто. У нее никого, кроме нас, нет, она не умеет жить в этом мире, не знает людей, не знает законов. И эта ненависть к родителям помогает ей не свихнуться окончательно и ничего с собой не сделать. Это как цель. Но если рано или поздно она их найдет,

я не поручусь за их безопасность. Поэтому все сведения о ее семье Ксения держит под замком, даже я не знаю, кто ее родители. Так безопаснее. И для них, и для Леры.

Рита согласно кивнула, задумавшись о том, что он сказал. Она плохо знала Леру, чтобы понять, на что та способна, но хорошо помнила ее голос, пропитанный ненавистью, когда она рассказывала ей о родителях. И если даже Марк и Ксения, которые знают ее гораздо лучше, предпочитают держать эти сведения от нее подальше, то Рите вообще не стоит об этом даже заговаривать.

– А кто оплачивал ее содержание в клинике? Я ведь так понимаю, клиника была дорогой?

– Ты себе не представляешь, насколько, – снова улыбнулся Марк. – Но, если честно, я без понятия, кто платил за Леру. – Он вдруг замолчал, о чем-то задумавшись. – А ведь это на самом деле интересный вопрос…

* * *

Больше о Лере они не говорили. Рита, боясь опять ляпнуть что-нибудь не то, перевела разговор на обыденные темы, и оставшийся путь пролетел незаметно, хотя до поворота с указателем «Соснянка» они доехали лишь через два часа после того, как покинули предыдущую деревню. Дорога, даже пустая, оставляла желать лучшего, и Рита не рисковала ехать по ней слишком быстро. Путь пролегал через многочисленные деревни, где приходилось снижать скорость еще больше.

Соснянка оказалась довольно маленькой и пустой деревней, несмотря на время, приближающееся к вечеру. На центральной улице лежал старый, сильно потрепанный временем и погодными условиями асфальт, остальные же улицы, пересекавшие ее то тут, то там, были и вовсе грунтовыми. По обе стороны каждой из них располагались одноэтажные деревянные домики, окруженные небольшими дворами и огородами. Рита и Марк не заметили ни одного строения из кирпича. Оставалось только догадываться, каким образом в такой маленькой деревне оказался ФАП. Разве что соседние поселения, относящиеся к нему же, были еще меньше. По опыту посещений предыдущих деревень они уже знали, что достаточно ехать по главной улице, как непременно наткнешься на нужное здание. Оно могло быть как отдельным, так и объединенным с еще каким-

нибудь важным деревенским объектом. В Соснянке оно оказалось отдельным, но таким же деревянным и одноэтажным, как и остальные дома. Узнать ФАП они смогли только по соответствующей вывеске. На улице еще не стемнело, поэтому свет в окнах не горел, даже если кто-то и находился внутри.

Рита припарковала машину у самого входа, чтобы Марку было недалеко идти. Даже она с самого утра чувствовала в воздухе приближение грозы, а Лера еще накануне предупредила ее о том, как страдает в такие периоды Марк. Правда, она то и дело поглядывала на него, но не видела никаких признаков того, что нога у него болит сильнее, чем обычно. Впрочем, откуда ей знать, как она болит обычно и как ловко он это скрывает?

Им снова не повезло: дверь оказалась заперта, а на двери висела лаконичная записка: «Уехала на вызова».

– Эта хоть записку оставила, – хмыкнул Марк, подергав ручку. В прошлой деревне фельдшер себя подобным не утруждал.

– Будем ждать? – спросила Рита.

– А какие у нас варианты? Снова переться завтра в такую даль лично у меня желания нет.

У Риты подобного желания тоже не было, поэтому они вернулись в машину, решив никуда не уезжать, чтобы не пропустить появление фельдшера. Часы показывали почти шесть вечера, но обоим казалось, что местный эскулап должен заскочить на ФАП хотя бы на минутку, прежде чем окончательно уйти домой.

Постепенно деревня заполнилась людьми: они шли по улице и по одному, и группами, видимо, возвращаясь с работы. Некоторые бросали на чужую машину заинтересованные взгляды, но затем спешили по своим делам дальше: многих дома ждали семьи, а еще предстояло зайти в магазин и приготовить ужин.

Фельдшер появилась возле ФАПа лишь в девять вечера, когда улицы снова опустели, а во многих домах уже зажегся свет. Им оказалась полная женщина лет пятидесяти в застиранном цветастом сарафане и с неаккуратным хвостиком из жидких волос на голове. В руках она вела велосипед, к багажнику которого

была прикреплена большая коричневая сумка. Едва увидев женщину, Рита и Марк одновременно решили, что к ней придется применять план «В».

Еще до того, как поехать в первую деревню, они предположили, что просто так сведениями о больных людях, если такие и будут, с ними никто делиться не станет, а потому придумали несколько вариантов в зависимости от того, кто окажется фельдшером.

В первой деревне их встретила молоденькая девочка, только-только окончившая колледж и непонятно каким ветром занесенная на ФАП. Глядя на нее, Рита вдруг подумала, что вариант со «скорой» не так уж и плох. Однако какая юная особа не попадет под обаяние очаровательного блондина с карими глазами и невероятной улыбкой, пусть даже он сильно хромает и вообще приехал с другой девушкой? О том, что на вверенной ей территории подобных пациентов нет, Рита и Марк узнали спустя максимум минут десять. Восемь из которых Марк потратил на флирт и улыбки.

Нечто подобное произошло и во второй деревне, только фельдшер там была чуть старше, и пациент нашелся. Правда, не тот, что им нужен.

В третьем месте, которое они посетили сегодня утром, фельдшер оказался более колоритным. Это был мужчина уже предпенсионного возраста, проработавший там половину жизни, и эту же половину пивший огненную воду вместе с деревенскими мужиками. Едва только увидев двух городских «проверяющих», он был готов всячески им услужить, только бы они закрыли глаза на его опоздание, жуткий перегар, вплывший вместе с ним в кабинет, и месяцами незаполненные журналы. А уж когда Марк, обращаясь к Рите, спросил, будет ли она сверять списание спирта с нормативами, фельдшер хотел показать им не только диспансерные карты, но и лично познакомить с каждым из нужных пациентов. Правда, ни одного нужного у него на участке не оказалось.

В Соснянке же фельдшер, едва увидев трость в руках молодого мужчины, вышедшего из автомобиля, сделала такое сочувственное лицо, что Марк сразу понял: план «В» можно еще и доработать, чтобы наверняка.

– Добрый день, – он вежливо улыбнулся, сдобрив улыбку еще и толикой смущения и чуть сильнее оперевшись на трость. – Мы из социальной службы. Меня зовут Марк Гедеонович, и моя коллега Маргарита Александровна.

Рита бросила на него заинтересованный взгляд. Ее ни капли не удивило, что он верно угадал ее отчество. Если он на самом деле общался с ее родителями, а в этом у нее с каждым днем оставалось все меньше сомнений, то прекрасно знает имя ее отца, а вот его собственное отчество заставило ее удивиться. Однако ей пришлось быстро стереть с лица это выражение, чтобы фельдшер ни о чем не догадалась.

– Проходите, проходите, – засуетилась та. – Простите, что заставила вас ждать, в соседней деревне две семьи слегло. Поели шашлыков, что называется. Меня Еленой Николаевной звать.

– Ничего страшного, сами виноваты, что не позвонили заранее.

Елена Николаевна покачала головой, снова сочувствующе посмотрев на трость Марка, как будто ему пришлось весь день простоять под дверью, а не сидеть в уютной машине с музыкой, кондиционером и бутылкой воды. Она быстро отперла дверь и пропустила своих гостей в полутемное помещение, где пахло лекарствами, кварцевой лампой и чуть-чуть – затхлостью. Миновав узкий коридор, они оказались в небольшом кабинете, в котором стояли только стол, три стула и стеллаж с папками и документами.

Марк, продолжая роль, с видимым облегчением опустился на один из стульев. Елена Николаевна и Рита заняли два оставшихся.

– Чем я могу вам помочь? – спросила фельдшер, и в ее голосе действительно слышалась готовность оказать необходимую помощь.

– Дело в том, что недалеко от Санкт-Петербурга открывается новый санаторий для людей с хромосомными заболеваниями, – начала Рита заранее приготовленную легенду. – С ними занимаются, развлекают их, подлечивают немного разные хроники, если требуется. Да и семьям иногда необходим перерыв, сами понимаете.

Елена Николаевна энергично закивала головой.

– По нашим документам на вашей территории числится человек с синдромом Дауна, – подхватил Марк, вытащив из сумки обычную картонную папку, в которую они еще позавчера распечатали какие-то документы из Интернета,

чтобы производить большее впечатление.

– Есть, есть такой, – снова закивала Елена Николаевна. – Павлик Симонов. Только он взрослый уже, восемнадцать весной исполнилось.

– Ничего страшного, – заверил ее Марк. – В санатории два отделения: детское и взрослое. Нам бы посмотреть его карту, если можно, чтобы убедиться, что он нам подходит. В путевках есть некоторые ограничения. Иначе мы бы просто позвонили вам.

Елена Николаевна подскочила с места, словно ей самой было восемнадцать, подошла к шкафу и принялась рыться в нем, приговаривая, как повезло бедному Павлику, который никуда дальше соседних деревень и районной больницы не выезжал. Марк уже сомневался в том, что и Павлик тот, кто им нужен. Если он и есть его призрак, то должен быть мертв. И уж фельдшер-то об этом знала бы. Однако стоило проверить все до конца.

Елена Николаевна наконец положила на стол увесистую медицинскую карту, и Марк первым делом попытался прочитать домашний адрес Павлика. Следовало навестить его и узнать, не может ли он каким-то образом выходить из своего тела. Марк читал о таком, хотя сам никогда не сталкивался, но это могло бы быть достаточным объяснением. К сожалению, блокнот лежал к нему вверх ногами, и почерк на нем был слишком неразборчивым.

– Только… – Елена Николаевна вдруг замялась, как будто вспомнила что-то, и неуверенно посмотрела сначала на Марка, а затем на Риту.

Марк тут же напрягся, как собака, почуявшая дичь. Что-то внутри него говорило, что они на правильном пути.

– Павлик пропал около месяца назад. Ко мне и участковый приходил, и люди из деревни его искали. Насколько я знаю, пока не нашли. Павлик и раньше мог уйти из дома, а потом его соседи из окрестных деревень привозили, но чтобы так надолго – никогда еще не было. Он очень фильмы про путешествия любил, все мечтал до Северного полюса добраться.

Марк посмотрел на Риту, и взгляд у него был очень выразительным.

– Так что если ваша путевка не горит, то может, как вернется…

– Не горит, – заверил фельдшера Марк.

Рита тем временем взяла карту, медленно пролистала ее, делая вид, что вчитывается в диагнозы, а затем спокойно переписала адрес себе на листок, посчитав, что это не будет выглядеть подозрительным.

– Не подскажете, как найти его родителей? – спросила она, с сомнением глядя на листок. – Хотим поговорить с ними, а у вас в деревне даже улица не везде написана, где уж там номер дома.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/timoshenko_natal-ya/ischezayuschie-v-temnote

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить